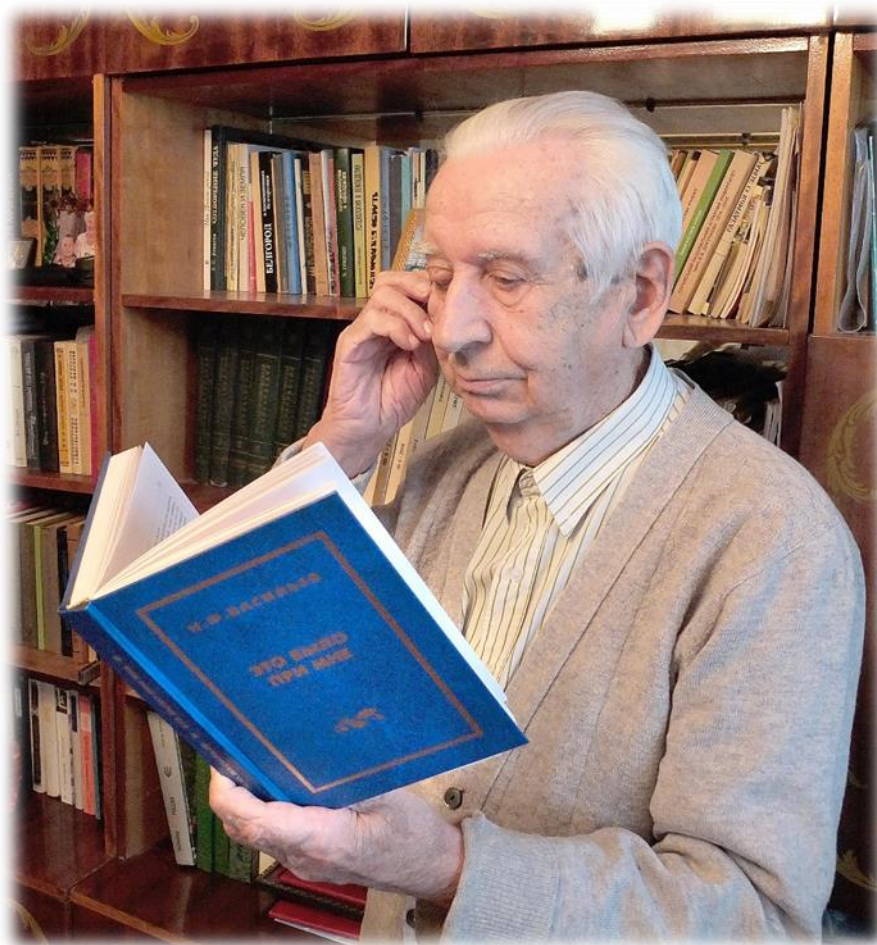


**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В.Я.ГОРИНА»**



***Автобиографические
воспоминания (исповедь)
АСЫКИ
Николая Романовича***

Майский 2016

УДК 092.3
ББК 84-442.3
А 22

**Автобиографические воспоминания (исповедь) Асыки
Николая Романовича.** – п. Майский: Изд-во Белгородско-
го ГАУ, 2016. – 88 с.

Детские годы

Мама, Асыка Анна Ивановна (девичья фамилия Лазаренко) родилась в 1897 году в семье крестьянина в селе Большая Халань Корочанского района Белгородской области. Её отец, мой дед, Лазаренко Иван Тимофеевич. Мама рассказывала о нём в пожилом возрасте, с седой окладистой бородой. Как-то увидела портрет Докучаева В.В. и воскликнула: «Так это твой дед, очень похожий!» Кроме хлебопашества Иван Тимофеевич ещё занимался мелким ростовщичеством, то есть давал деньги займы под проценты, конечно мелкие суммы. До моей бабушки Василисы Дмитриевны у него была первая жена, которая умерла в раннем возрасте и оставила дочь Евдокию (Доньку), которая была сестрой по отцу моей маме. Старше мамы была сестра Софья, которая не выходила всю жизнь замуж, младшая сестра Полина и самый младший брат – Никита.

В молодости мама была красивой, о чём много раз упрекала её сестра Полина, как она, смеясь, говорила: «У, противная, за ней все женихи ухаживали, на других не обращали внимания», а мама только посмеивалась смущённо. Как-то дружили с одним зажиточным парнем, а посватался Асыка Роман Павлович, 1895 г. рождения – мой отец. Тот парень, с которым она дружила, уговаривал уехать, сбежать из села. Но воспитанная в христианской вере, она смиренно вышла замуж за моего отца и полюбила его на всю жизнь. Когда его не стало в 1933 году, она осталась ему верна, хотя предложения выйти замуж она получала неоднократно. Свидетельством её привлекательности было неожиданное письмо в середине семидесятых годов из Краснодара. Один её сверстник писал, что очень хотелось бы в конце жизни увидеть, приглашал в Краснодар, или просил разрешения приехать в Белгород, но в суете той жизни это осталось без ответа.

Семья отца была крепкая, дружная и зажиточная. Жили вместе три брата с семьями. Старший – Иван, младший – Фёдор. По рассказам мамы у них были: кирпичный заводик, паровая мельница, маслобойка, пасека за сотню ульев, трёхконный пожарный выезд. Вероятно,

всё это было в период НЭПа, но ко времени коллективизации братья разделились, мельница и маслобойка сгорели, они стали середняками. По-видимому, они были предусмотрительными. Сейчас неизвестно, когда умер дед Павел, но ко времени коллективизации жива была бабушка Евгения. Жила она у среднего сына, то есть в нашей семье, в кирпичном доме с кирпичным подвалом. Сейчас на этом месте осталась часть кирпичного подвала и на нём небольшой вновь построенный домик, тоже кирпичный, с четырьмя окнами на улицу.

Напротив нашего дома стояла церковь, которую разрушили до войны, а в период коллективизации её использовали как зерносклад. Я ещё трёхлетним помню, как возле церкви были подводы с мешками зерна, как зерно рассыпалось, а мы его подбирали.

Семья отца, как и семьи других братьев, вступили в колхоз, сдали полагающиеся коллективизации имущество и скот и думали, что на этом остановится и стабилизируется жизнь законопослушных крестьян. Но не тут-то было. Вначале тридцатых годов поступила новая программа раскулачивания, в которой надо было выполнять квоты. Как говорила мама, что отца назначили в бригаду для раскулачивания, но он не пошёл. Тогда и его включили в список для раскулачивания и совершили это бесчеловечное деяние. Забрали дом и всё имущество, что можно было конфисковать, выбросили на улицу всех. У отца и мамы было трое ребят: Иван – 10 лет, Александр – 6 лет и я – три года. С нами жила и бабушка Евгения. Такая же участь постигла и семьи братьев папы – Ивана и Фёдора. Однажды папе по секрету сказали, что завтра всех погрузят на подводы и отправят в Казахстан. Папа и мама собрали узлы, что осталось и что можно унести и ночью с тремя детьми ушли из села в направлении Прохоровки в село Гуськи. Это было лето, наверное, июнь или июль, так как в полях ещё не скошена была рожь. Трудно представить, как совершалось это переселение, когда по дорогам в открытую идти было опасно, надо было идти глухими полями, больше ночью, но и днём. То ли мне помнится, то

ли рассказывала мама, что нести вещи и меня было невероятно трудно. Меня заставляли идти, а я не хотел. Ну сколько мог пройти трёхлетний ребёнок? В селе Гуськи, в хуторе Гаюры нас приняли сердобольный старичок с бабушкой в маленькой двухкомнатной хатке. В маленькой комнатке жили старички, а в большенькой – нас пятеро. В Халани осталась бабушка Евгения, после нашего побега её арестовали, посадили в холодное помещение, где простудилась и умерла. Где и как её похоронили, осталось неизвестным.

Отец был мастеровым крестьянином. Как и многие в Большой Халани, он умел выделывать овечьи шкуры, шить шубы и другую одежду. Приобрёл швейную машинку «Зингер», чем стал зарабатывать на жизнь, а мама ему помогала шить. Но раскулаченным без регистрации в сельсовете на одном месте жить было невозможно, и через полгода мы поселились в другой семье в этом же хуторе Гаюры. Что я помню из этого времени. Маленький дворик, заборчик из горизонтальных жердей. На этой верхней жерди я залез верхом и погоняю прутиком, как лошадь, и сопровождаю это матючком. Были все дома и слышали моё «погонятельство», сначала посмеялись, а затем папа позвал и отстегал тем прутиком, что был у меня. Мама, конечно в слёзы, ведь других игрушек не было. А ещё помню, что были у меня глисты. Всю жизнь они видятся как пренеприятнейшее наваждение, и писать это не приятно. За огородом через балочку была конюшня и мы бегали смотреть на лошадей, особенно привлекал гнедой жеребец, беспокойный, игристый и норовистый.

Не могу себе логически представить, как можно семье, состоящей из четырёх взрослых и четырёх ребят (малышей) принять ещё пять человек – двоих взрослых и трёх малышей. Там прожили мы зиму и начало следующего 1933 года. Помню перед хатой выгон, пасущихся на нём гусей и нас, ораву ребят, на этом выгоне. Но антагонизма и неприязни в этой кутерьме не было, во всяком случае, в памяти не осталось.

Летом 1933 года перебрались в хутор Борисы в семью, где двое взрослых родителей и двое детей. Девочка года на три старше меня и мальчик на год-два постарше меня, больной эпилепсией. Тут нас постигло большое горе. 1933 год – голодный, как сегодня пишут, был голодомор. Отец с большим трудом зарабатывал на пропитание. Однажды, заработав около пуда, может быть больше, пшена и других продуктов, а перед дорогой домой его угостили выпить самогона. По дороге его разморило, и он прилёг и уснул на какое-то время. Земля была холодная и сырая, он простудился и слёг с воспалением лёгких. Дома лекарств не было, отвезти в больницу не на чём, в колхозах не дали лошадь, и он умер в возрасте 38 лет. Только помню, как его обмывали голого на земляном полу, застеленном соломкой. Даже не помню, как голосила мама, оставшись с тремя пацанами в чужой хате, без продуктов питания, без средств к существованию. Плакала мама больше украдкой от нас, всё больше ночами, но доплакалась до того, что ей стало казаться, что он приходит, она его видела в окно, которое выходило в огород и в направлении к кладбищу. Но она сумела взять себя в руки, чтобы сохранить и вырастить нас. Она стала работать день и ночь. Летом на огородах у людей, зарабатывать картошку и другие продукты. Зимой и летом старалась шить простенькую одежду для людей, больше перешивала из поношенных вещей. Одевала нас из того, что давали люди.

Можно удивляться и восхищаться нашими русскими крестьянами, их милосердию, добросердечности, когда в суровые годы жестокой коллективизации, в голодные годы не дали погибнуть обездоленным, отверженным государством, сиротам. В те же годы массовым было попрошайничество нищих, когда нетрудоспособные, малолетние, инвалиды один за другим ходили по хатам, с сумками через плечо, выпрашивали кусочек хлеба и то, что кто может дать. Но мама не допускала, чтобы мы пошли попрошайничать, что считалось уже последней потерей человеческого достоинства. У нас их называли побирушками. Летом старший брат – Иван, которому уже было 13 -

14 лет, нанимался пасти коров и телят, чтобы прокормиться самому и что-то принести домой. Ему помогал и средний брат Александр в свои 8 - 9 лет. Вспоминается, как они приходили из соседнего хутора и жаловались на трудности и несправедливости нанимателей. Но мама со слезами их успокаивала и опять отводила на работу.

Я, младший, 4 - 5-ти лет оставался один, скитался по хутору и часто мама, приходя с работы у людей, поздно вечером искала меня, а я засыпал где-то в кустах. Иногда она брала меня с собой. Она рассказывала, как однажды несла заработанные два ведра картошки из соседнего хутора Катухи за два километра, я не хотел идти и засыпал. Пришлось ей нести и картошку и меня после изнурительного дневного летнего трудового дня. Душа выскакивала, слёзы душили, из последних сил, но она несла.

Однажды поздней осенью, когда почва уже замёрзла, но снега было ещё мало, повёз меня Ванька на санках в овраг кататься. Санки перевернулись, и я ударился лицом в острую торчащую замёрзшую грудку земли и так рассёк надбровье, что получилась глубокая рана. Часть кожи отвисла, закрыла глаз и кровь долго лилась, и я плакал. Позвали тётку, способную заговаривать и останавливать кровь. Тётка Варька Косухина пошептала, поводила железной спицей, кровь остановилась, и я уснул. На память мне остался шрам на всю жизнь над правым глазом. Позже под этим же глазом получил рану от железного штыря, на который одевается катушка на швейной машинке. Спал на деревянной лавке и упал, а на полу стояла швейная машинка, штырь воткнулся ниже правого глаза, но глаз не повредился. А ещё позже, когда учился в четвёртом классе в 1939 году в правый глаз попал наконечник стрелы из лука прямо в зрачок и я потерял зрение правого глаза на всю жизнь. Наиболее яркое впечатление зимы 1934 года, которая была морозной и глубоко снежной, когда меня озябшего, плохо одетого и голодного, зазывали сердобольные соседи-старички. Они жили вдвоём, усаживали меня за стол, наливали миску горячего борща с пер-

цем и я, с жадностью, его поглощал и отогревался. Они сидели рядом и с улыбками смотрели на меня.

Сейчас не совсем помню, как учились братья, но старший – Ванька всё-таки не пропускал школу и оканчивал классы своевременно, хотя и учился не на отлично. Забегая вперёд скажу, что Иван был всесторонне талантливый. Он был музыкальный. Играл на балалайке, гитаре, скрипке, мандолине, гармошке. Любой инструмент он быстро осваивал, организовывал оркестры и выступал на школьных праздниках. Он имел способности столяра. Сам мастерил все музыкальные струнные инструменты. Кроме балалайки и гитары, выдалбливал мандолину, кроил, вырезал и клеил скрипку, ремонтировал старую гармошку и на этих инструментах играл. Доставал ноты и хорошо их осваивал, обучал товарищей для игры в оркестре. Он сам изготавливал столик, стулья и другую мебель, необходимую для нашей маленькой комнатки. Если пекла, то булочку, а доставалось в первую очередь самому младшему, то есть мне. Наша каморка была хотя и необычайно тесная, но большей частью ещё заселялась посетителями, друзьями Вани, так как он привлекал игрой на разных музыкальных инструментах, а когда мама уходила ночевать к бабушке Параничке, то играли до поздней ночи, разбирали пьесы и репетировали их. В таких условиях готовить уроки при коптилке, наверно, не совсем было благоприятно.

Самым сложным в то время для мамы – было прокормить нас, троих растущих пацанов. Непрерывные заработки на огородах, шитьём и перешиванием старых вещей для людей, кроме того, при школе нам выделили небольшой огородик. Но картошки всегда не хватало. Много собирали свеклы после её уборки в колхозе. Часто её варили в чугушке, а для сдабривания добавляли картошку. Вспоминается каким-то чувством, что как будто мы её всю жизнь ели, настолько она надоела.

С благодарностью вспоминаю кладовщика колхоза Ивана Михайловича Шевченко, который иногда давал из колхозной кладовой «что можно было», кроме зерна, кру-

пы, мне очень запомнилась фасоль, как лакомство. Как должно было собрать в классах под партами забытые или брошенные учениками кусочки хлеба, пирожки, коржики.

Однажды мы с мамой пошли собирать колоски на убранном ржаном колхозном поле, как и многие колхозники. Через некоторое время прилетает объездчик на страшном, как мне казалось, коне с огромной плеткой-кнутом и со страшной руганью разогнал всех. С тех пор больше не ходили за колосками.

Редко, когда нам попадало молоко. Всегда, когда я болел, а это было нередко, я просил молока, тогда мама ходила и занимала у кого можно было за это отработать, а денег у нас было только на хлеб и ещё что-то надо было купить из обуви и одежды.

Я так много пишу о еде, но это всю жизнь стоит перед глазами и вспоминается, поэтому и сейчас к этому отношусь бережно. А мама, пока была жива, ничего лишнего не позволяла себе съесть, особенно каких-то деликатесов, без которых можно обойтись. Не менее важно было одеться. Носили мы в основном перешитое, младшие донашивали то, что уже было мало для старших. Для обуви мама шила бурки из старого сукна на вате с подкладкой. Редко, когда удавалось купить новые галоши, а больше старые или склеенные из старых автомобильных камер.

Однажды Александра Евдокимовна за какое-то усердие подарила новые хромовые ботинки. Они мне немного маловаты были, но я их носил с каким-то умилением, дольше в праздники, их блеск и сейчас отражается в моих глазах,

Как-то к нам в конце тридцатых годов приезжал из Днепропетровска муж тёти Поли, привёз мне кожушок (шубку) из овечьих шкур. Это был царский подарок, я проходил в нём с третьего по шестой класс, поэтому все зимы, а они были холодные и многоснежные, я был достаточно хорошо одет. С 1938 года мы стали лучше питаться, так как нанимались пасти скот у людей. Шурка пас коров, а меня взяли в соседний хутор пасти гусей у Басенко Прокофия Стефановича. Он был кладовщиком в хуторе

Басенки, жили они почти зажиточно по тем временам, кроме хлеба, борща, каши и картошки иногда жарили яичницу из гусиных яиц. Два лета я пас гусей, а в 11 лет нанялся пасти трёх коров и питался по дворам по очереди, где тоже прошло два лета до войны.

Хорошего инвентаря, как лыжи, коньки, не было. Для лыж использовали доски и катались с горок, а коньки выстругивали из дерева, привязывали верёвками к обуви и катались по дорогам, замёрзшим прудам. Однажды мне приснились заводские лыжи с красивыми палками, какие были у Шевченко Раи, девочки моего возраста, дочери кладовщика. Я так радовался во сне, поставив их в классе, а когда проснулся, пошёл их брать, а их не оказалось, я не верил своим глазам.

Хотя я был меньше всех годами и ростом, но учился не плохо, хотя и отличником не был. По-видимому, я чем-то отличался, когда на демонстрации в день Октябрьского праздника в Гусёк-Погореловской средней школе, куда приходили все начальные школы, на торжественные митинги, от имени Бехтеевской школы мне выпала честь выступать и приветствовать. Хотя был с высокой температурой и еле залез на стул, но выступил прилично и, когда мы перешли в 1939 году в 5-й класс в эту среднюю школу, меня тоже заметили и учителя, и школьники.

В пятом и шестом классе я учился хорошо, было интересно, в это время учитель ботаники Мирошниченко Иван Фёдорович, он же директор школы, назначил меня звеньевым впервые созданного ученического звена для выращивания полевых и овощных культур на пришкольном участке, хотя повторяюсь, что был меньше всех, но, наверное, заметно активным.

Весной сажали помидоры, лук, капусту, огурцы, а осенью посеяли рожь сорта Лисицина, пшеницу Украинка на конной сеялке. У меня был журнал фенологических наблюдений, и мы бегали всегда отмечать фазы роста растений. Но убрать озимые нам не удалось, так как осенью 1941 года уже началась война, и в школе прекрати-

лись занятия, которые возобновились в 1943 году после изгнания немцев и освобождения района.

Хутор Бехтеевка, где мы жили, от хутора Погореловка, где средняя школа была, находится на расстоянии полутора километров, но разделяются оврагами. Зимой по снегу, а весной по оврагам разливалась вода. Мне в матерчатых бурках трудно было переходить через половодье, и меня переносили девочки из нашего класса, которые были в сапогах.

Какие детали я помню из школьной довоенной жизни?

Сидел на одной парте с Алифановым Васей, шустрым симпатичным боевым парнем. Был у него дома. Дом выделялся в переулке «куток». Невдалеке от школы, хорошо крашенные деревянные полы, симпатичная мама средних лет, солидный ухоженный дедушка и впервые увидел чёрное пианино, на котором Вася перебирал клавишами. Невдалеке жил Коля Алифанов (Кольк его звали), тут же его племянница Праскофья, немножко косолапенькая, но всегда весёлая.

Мне очень нравилась Аня Пономарёва. Как-то в конце перемены она мчалась к уборной, смотрела на меня и широко улыбалась, я подставил ногу, и она со всего размаха полетела, ударилась и проползла несколько метров, ободрала ноги и руки. С плачем развернулась в класс, а я с тех пор не мог на неё взглянуть. У неё была толстенькая подруга или двоюродная сестра.

Из нашего хутора в классе учились Нина и Аня Кидаповы, остальных смутно помню. До войны в шестом классе кто-то сделал фотографию, но у меня не сохранилась. Очень хочется посмотреть на тот класс.

Мирную жизнь и учёбу прервала война. В октябре и ноябре проходила эвакуация, отступление наших войск по, так называемому, американскому шляху, проходящему от Прохоровки через Призначное и дальше. Но в ноябре немцы остановились в Прохоровке, а вокруг неё занимали оборонительные и наступательные позиции наши. В это время учителя эвакуировались из школы в недалёкий тыл. Мы остались сторожевать. Сначала в школе был

штаб, куда съезжались командиры из окружающих частей, а затем расположился госпиталь. Немцы по хуторам стреляли из пушек, снаряды ложились больше по огородам, иногда попадали и по хатам. Наши войска отдельными ротами наступали на Прохоровку, но успеха не имели, так как немцы заняли удобные оборонительные позиции и отбивали наши не массированные наступления.

Вот память о зиме 1941 - 1942 оказалась раздвоенной. Мы продолжали жить в школе. В хуторе уже размещались войска. У соседей в начале был штаб роты, жил командир роты, который тесно жил с хозяйкой – русской по национальности – Нюшенькой. У них были девочки: Маруся и Аня, с которыми я дружил. Поздней осенью из окружения пришёл сын Нюши – Иван. Сначала он укрывался дома в вырытой в сарае ямке под скирдой сена, а когда в хате поселились военные, и его нельзя было открыто обслуживать, попросили поселить у нас в школе. Шура – брат мой – приволок его еле живого, с характерным запахом и укрыли его под поликом. Затем перевели его в погребок возле школы, где он пробыл до весны. Весной, когда линия фронта у Прохоровки стабилизировалась, он сумел выйти из подполья и вернуться в армию. Провоевал, к концу войны заслужил награды, получил ранение челюсти и демобилизовался с почётом. Работал бригадиром на сортоучастке, вступил в партию и благополучно дожил до конца дней своих.

Осень 1941 года была холодная. Через наши хутора гнали эвакуированный, истощенный скот с запада на восток. Некоторые, совсем «никакие», оставались по дорогам. Мы поймали лошадку, непригодную для армии, привязали в школе под навесом. Шура смастерил сани, которые однажды ночью украли, стали подвозить корм из скирд на полях.

14 октября, на праздник Покрова, ночью выпал снег по колено, 15 - 25 сантиметров. При отступлении наши зажгли элеватор с зерном в Прохоровке. Шура ездил, привёз несколько мешков, но зерно оказалось горелым, не пригодным для пищи. С ноября в Прохоровке остано-

лись немцы, выбрали удобные оборонительные позиции, а вокруг в хуторах Мордовка, Тихая Падина, Грушки и других окопались наши пехотинцы. Фронт простоял до июня 1942 года.

Всю силу наши пытались взять Прохоровку силами нескольких сот бойцов. Прямо с марша, без основательной подготовки посылали на передовую, а утром или в течение следующего дня возвращались по несколько человек живых и раненых. Много солдат полегло на подступах к Прохоровке. В нашем хуторе Басенки, где мы жили зимой у тётки сони и бабушки Василисы, стояли тыловые группы на расстоянии 6 километров от передовой, иногда нам приходилось сопровождать их на передовую на подводах. К передовой едут одни, а назад – другие.

Зима была снежная и холодная. Однажды ночью, когда я сопровождал на передовую трёх солдат, мы из-за тумана заехали на ту сторону фронта. Часовой в Прохоровке окликнул «Хальт», то есть «стой», но наши бойцы не растерялись, в галоп пустили лошадь назад, вслед раздавалась автоматная очередь, шальная пуля задела только лошадь, отчего она помчалась ещё быстрее. Мы доехали до хутора Липовка, в трёх километрах северо-западнее Прохоровки, а назад другая смена три человека вернулись к утру обратно.

Тогда почти в каждой хате останавливались и жили военные, и прифронтовым хуторянам доставались все прелести фронтовой жизни. Сейчас всё чаще возникают разговоры о том, что стоит участников тыла по льготам приблизить к участникам войны. Особенно достойны этих льгот жители прифронтовых поселений, где всю зиму 1941 – 1942 годов шли бои, иногда хутора переходили из одних владений в другие. Наскакивали немцы, выбивали наших, жители в большинстве эвакуировались, немцы забирали всё живое и опять отходили.

Мы, пацаны 10-14 лет, приспособлялись к постоянным военным, ухаживали за лошадьми, даже приходилось чистить оружие. Большинство приобретали одежду, обмундирование и передевались в военное. Защитные зе-

ленные штаны-галифе, гимнастерки, шинели, бельё перешивались, и были основной массовой одеждой. На девочках часто можно было увидеть юбки из полупалаточного жесткого зеленого материала. Кое-кому удавалось разбирать и чистить винтовки. Не редко было овладевать брошенными гранатами, подбирать неразорвавшиеся снаряды и мины и подрывать их. Я избегал этих шалостей, брат мой Шурка был закоперщиком этих салютов, пока весной 1942 года у него в руках не разорвалась то ли противотанковая граната, как тогда говорили свидетели, его товарищи, но, скорее всего, запал от гранаты. Ему разорвало правую руку, посеколо осколками правую часть головы, но он остался жив. Маме удалось быстро отвезти его в госпиталь в Радьковку, где врачи – хирурги зашили раны. Через несколько дней они вернулись домой, после чего его в армию не взяли.

Почти такая же участь постигла школьного товарища Петра Маматова, которому оторвало правую руку. Поэтому жители тех сёл, которые по полгода были линией фронта и прифронтовой полосой, можно приписывать не только как участники тыла, но и фронта, как участники боевых действий.

К сожалению тот отрезок боевого времени в истории Белгородской области отражен очень мало. Всё внимание сосредоточено с 5 июля по 5 августа 1943 года, на Прохоровском танковом сражении, на освобождении Белгорода и области. А те затяжные бои 1941 - 1942 годов и период оккупации до февраля 1943 года остаются в тени, и всё меньше остаётся свидетелей того времени, кто может рассказать, или записать для памяти потомков.

Оккупация наших сёл продолжалась с июня 1942 до февраля 1943 года. Небольшой отрезок времени в историческом плане, но памятный, и всегда отражаемый в автобиографиях, «что на оккупируемой территории был, но ничего в пользу оккупантов не совершал». А если кто совершал, того привлекали к ответственности. Теперь уже трудно вспомнить, что в Прохоровке был комендант, звали его то ли «индюк», то ли по-другому. К нам наезжал

иногда агроном, у которого нога не сгибалась в колене. Тогда в сёлах выбирали старост, хутора делились на десятидворки с десятниками во главе. В памяти навсегда осталось, как конфисковались оставшиеся животные и птица. Особенно драматичным было, когда забирали последнюю корову, в первую очередь у тех, кто был менее лояльным к немцам или местным управителям. Надо отдать должное, что часто жители выбирали тех, кто пользовался авторитетом. В нашем селе избирали Ивана Максимовича Балабанова, который в армии не служил, не был активистом, интеллигентного склада пожилой мужчина. Он и для немцев ничего активно не совершал, но после оккупации его арестовали, так он и не вернулся домой.

Сельское трудовое воспитание нам досталось сполна. Всё, что росло на полях, делили по душам на сходках. Выходили в поле, бросали жребий, кому где достанется делянка, там и пахали, сеяли, убирали. Запомнилась первая косовица клевера, как в период его цветения хорошо подрезает коса. И учиться косить на клевере удобно, мягкие не полёгшие стебли, цветущие красивые розовые и красные головки перед твоими глазами. Правильно взять ширину среза, полусогнутую левую руку поставить так, чтобы она с большей динамичностью водила косьё, выбрать оптимальную ширину шага, это элементы мастерства косаря. А если перед этим хорошо отбита коса, наточена бруском и лезвие своевременно направляется мантачкой, то косить одно удовольствие.

Правильно посеять вручную семена сначала доверялось только старикам, а затем научились и мы, подростки. Сумка через плечо, чтобы хорошо доставать семена, ритмично за каждым шагом, под левую ногу, взмахнуть так, чтобы рассевались равномерно сквозь пальцы сначала в левую, затем в правую стороны, и при этом, чтобы просыпалось необходимое количество под ноги.

Для заделки семян использовались самодельные крьюммера и бороны. Под крьюммер запрягали, как правило, две коровы, а под борону – одну. Сев проводили по месяцу и больше. Самую трудоёмкую работу – вспашку па-

ров – начинали после сева яровых в мае и проводили почти всё лето. Пароконный плуг на двух коровах, в борозду ставили более сильную и покладистую корову, вели их впереди девочки, а за рычагами – мальчишки. Пахали по загонкам и старались, чтобы твоя загонка была не хуже других. Качество пахоты зависело как от мастерства пахаря, так и от качества плуга, его настройки, остроты лемеха, шлифовки отвала, регулировки цепей. У хорошо отрегулированного плуга можно бросить рычаги, и он идёт сам, а пахарь идёт следом и любитесь равномерностью борозды, крошением пласта и слитностью поверхности пашни.

Норму 0,25 гектара часто перевыполняли и вспахивали по 0,30 - 0,35 га. Особенно памятные дни от середины июня, когда наступают жаркие дни и колошение ржи и до её созревания, когда свирепствовали оводы, злейшие враги для коров. Овод жужжит, садится на тело, жалит и откладывает в кожу яички. Яички разрастаются в крупные личинки и вылезают наружу, превращаясь во взрослого вредителя. Весь этот процесс очень болезненный для животных. Они не выдерживают этой экзекуции, особенно в жаркие дни, задирают хвосты и мчатся галопом в кусты, под деревья, почесаться и остыть.

Необходимо мастерство, чтобы их удержать, в крайнем случае вовремя распрячь, но бывали случаи, когда не удавалось удержать и они с плугом совершали пробежки, что представляло большую опасность для пахарей.

Тяжёлая и изнурительная работа была уборка урожая зерновых. У нас в бригаде было два мужика, два брата. Старшему – Васильку – 65 лет, для крестьянина это старческий возраст, а младшему – Алёше – лет 50, хромой, у него не сгибалась нога в колене, да и сам был худощавый и слабенький. Женщины – человек пять, да нас, пацанов столько же. Это была бригада косарей. Норма скосить озимых – 0,25 гектара для нас была, хотя и трудной, но почти всегда выполняли, а начисляли за неё 1,75 трудодня.

Я был не больше других пацанов, но почему-то доставалось мне закашивать делянку, то есть делать первый прокос. Мастерство косаря заключалось в том, чтобы ровно занести косу, не оставлять «гривки», удерживать в грабках косы ровно стебли и положить их на прокосе и не перепутать, колосок к колоску. А первому ещё надо вынести и положить прокос сзади себя. Грабки косы для зерновых состоят из четырёх разных по длине, отшлифованных деревянных заострённых пальцев и шнуров, от них к рукоятке косы. В музеях сейчас редко где находятся косы с грабками, в областные такие косы нет – видел в Прохоровке и Валуйках.

Следом за косарями шли вязальщицы- женщины и девушки. Из стеблей делали перевясло, связывали снопы и складывали их в крестцы. Крестец состоял у нас из пятнадцати снопов, в некоторых сёлах – из тринадцати. Копна состояла из четырёх крестцов. После того, как снопы в копнах просохнут, и основную массу хлебов скошим, копны ложили в скирды. Ближние копны к скирде носили руками, под крестец подсовывали палки и вдвоём несли к скирде, а дальние свозили на телегах, в которые запрягали коров. Телеги были четырёх- и двухколёсные, самодельные. Использовались и ручные тачки с тележными колёсами, от плугов и пулемётных тачанок.

Одновременно со скирдованием начинали молотить хлеба, с использованием всех имеющихся средств. Вручную – цепями – группами по 3 и 4 человека. Молотьба в четыре цепа требует определённого мастерства, чтобы в группе были выносливые и ловкие, выдерживающие определённый ритм молотьбы.

Была у нас и конная молотилка, которая обслуживала сортоучасток. Машинотракторная станция присылала тракторную молотилку МС-1100 и затем появились и комбайны «Коммунар» и «Сталинец». Молотилки и комбайны использовались в колхозах по очереди от одного к другому, так как их было мало, работали всю осень и зимой.

Особенно памятна молотьба зимой на комбайнах. Перетаскивали их по снегу от скирды к скирде вручную. За-

несённые скирды расчищали от снега. Снопы были забиты снегом, смёрзшиеся, часто с сорняками, особенно с созревшим осотом. Когда подаёшь такой сноп в приёмную камеру комбайна, то через несколько минут барабанщик превращается в облепённую снегом и осотовыми колючими семенами – парашютиками куклу с поблёскивающими глазами и зубами. Картину молотьбы хлебов того времени можно увидеть в кино, например, в кинофильме «Председатель».

Намолоченный хлеб отвозили в первую очередь на элеватор в Прохоровку за 7 километров, главным образом на коровах. Сортировали зерно на ручных веялках одновременно с молотьбой, затаривали в мешки и отвозили. Механизации на элеваторах не было. Внутри складов большие бурты, по деревянным сходцам пацаны таскали мешки больше своего веса на вершину бурта и высыпали. Нередки были так называемые «подрывы живота» от тяжести, после чего несколько дней отлёживаешься. Когда тащишь по сходцам мешок, в глазах темнеет, ноги дрожат и не всегда хватает сил дотащить до верху, а за это схлопочешь от кладовщика взбучку.

Работали, как правило, без выходных, часто с раннего утра до позднего времени, а дни-то летом длинные, но никто на часы не смотрел.

С 1943 года, после освобождения от оккупации, до осени 1947, когда я поступил в институт, вырабатывал за лето и по выходным дням зимой по 170-230 трудодней, при годовой норме для трудоспособного колхозника – 150 трудодней.

В памяти такие эпизоды, как 5 июля 1943 года, воскресенье. Коровам и женщинам дали отдохнуть перед уборкой урожая, но продолжали пахать пары. Меня одного послали пахать на двух, имевшихся в бригаде, лошадях. Только я вспахал одну загонку, слышу – гул. Поднимаю голову и вижу, как над Прохоровкой висят несколько десятков немецких бомбардировщиков «Юнкерсов» и сбрасывают бомбы на железнодорожную станцию, где разгружались эшелоны с нашими войсками, танками

и вооружением. Одна волна бомбардировщиков улетает, через 1,5 – 2 часа прилетает другая и так несколько раз. Прохоровку заволочло дымом под гул самолётов, было видно, как летят бомбы и взрываются с оглушительным грохотом. Я сматываю вожжи и уезжаю. Так началась в Прохоровке знаменитая Курская битва. После этого наш хутор заполнили прибывающие танки. Рядом с нашей хатой в саду развернулась мастерская по ремонту противотанковых пушек и склад снарядов для «катюш». Нас эвакуировали в соседний хутор – Дубовое, где остановились в крайней хате у Немцева Ивана Моисеевича, вернувшегося с фронта инвалида с перебитыми ногами. Больше находились в погребе, а над нами дрались самолёты-истребители, охранявшие и сопровождавшие наших бомбардировщиков, летающих в сторону Белгорода. С обеих сторон были сбитые самолёты, падающие с душераздирающим рёвом и оглушающим взрывом при падении. Там прожили до знаменитого Прохоровского танкового боя, после которого фронт начал двигаться на запад и к нам уже не возвращался.

Ещё очень помнится день летом 1944 года, тоже воскресенье, мне досталось одному косить озимую пшеницу. С раннего утра до позднего вечера я скошил 0,66 гектара, при норме 0,20, то есть 3,3 нормы. Теперь это кажется невероятным, но так было, пшеничка была чистая, не высокорослая, не полёгшая, косилась легко с удовольствием. Но к концу дня было частое сердцебиение, звук которого был слышен в ушах как посторонний. Домой я пришёл на ватных ногах, а результат узнал на следующий день, когда учётчик замерял делянку. Тогда это никого не удивило, потому что сильные мужчины иногда скашивали до гектара.

Вспоминая те годы, думаешь, как оно было, что 14 – 16-ти летние мальчишки и девчонки, постоянно не доедая, работали очень по много. Наравне со взрослыми и в последующем выросли и дожили до солидного возраста. А теперь мы стараемся, чтобы вы побольше кушали, не перетруждались работой, и растут подростки часто слабыми, становятся инвалидами. Может быть правы

некоторые медики, которые предостерегают от насыщения молодых организмов, что приводит к сердечной недостаточности.

Кроме полевых работ мы принимали участие в животноводстве. Кроме обслуживания домашних животных обзаводились и ухаживали за колхозными. Сразу после оккупации в колхозах не было коров. Их надо было вырастить из телят, которых контрастовали за небольшое количество зерна у крестьян. Напротив нас жила Басенко Анна Захаровна. У неё была просторная хата, где размещалась контора колхоза и большой сарай, где размещалось до тридцати телят.

За телятами ухаживала мама, а мы ей помогали после школы кормить, поить, чистить. По выходным организовывали вывоз навоза на поля вручную на санках. Сейчас перед глазами встаёт картина многочисленного обоза взрослых и подростков – школьников с нагруженным на санки навозом, направляющимися на поле и в шахматном порядке раскладывающих его по кучкам. Кроме навоза собирали по дворам куриный помёт, золу из соломы, коровьего навоза и других местных материалов. Вблизи наших хуторов нет леса, иногда завозили немного торфа из Прелестного на расстоянии двадцати с лишним километров. Большинство заготавливали кизяки из коровьего навоза на соломенной подстилке. Навоз перепревал, согревался в кучах, а весной в определённых деревянных станках формой 40 x 30 x 20 натаптывали босыми ногами и раскладывали для сушки на улицах перед хатами. Изготавливали по несколько сотен и после сушки складывали в буртики, накрывали соломой и зиму топили печки.

У кого не было коров, собирали осенью высокий бурьян по балкам, подсохшие коровьи лепёшки из помёта, подсушивали и использовали на топливо. У большинства колхозников были земляные полы, редко у кого, более зажиточных, полы были из досок. Земляные полы раз в неделю, больше по субботам, смазывались свежим коровяком: коровьим навозом, разведённым в воде. К его запаху привыкали, как к должному атрибуту выходного дня.

Поскольку лес был большим дефицитом, большинство хат были однокомнатными четырёхстенными из деревянного сруба с пристроенными сенями из плетня. На улицу выходило два или три окошка и во двор одно или два. Часто выгораживалась маленькая комната для спальни старших. Для детей деревянные полы-полати, скамейки, а для стариков место на печке. В холодные дни зимой на печках сушили зерно, и все старались в нём погреться, своеобразная горячая ванна.

В военные 1943 - 1945 годы мне приходилось быть посыльным правления колхоза имени Энгельса. Контора колхоза находилась напротив нас, телефонной связи ещё не было, все сообщения с бригадами, сельским советом и райкомом были через посыльного. Всегда приходилось созывать членов правления, бригадиров, актив и необходимых членов колхоза, бывал на заседаниях правления и впитывал атмосферу колхозной жизни. В детскую душу залегали принципы справедливости, необходимой дисциплины и характер взаимоотношений в коллективе. Они мне казались очень сложными, что руководитель должен обладать врождённым талантом повести за собой массы, большим житейским опытом и добрым характером. Поэтому, когда мне – молодому специалисту впоследствии, в возрасте 25 лет в 1954 году – на бюро райкома партии предложили стать председателем самого большого укрупнённого колхоза имени Ворошилова, я отказался, ссылаясь на недостаточный опыт организаторской работы.

В обязанности посыльного входило разносить повестки на мобилизацию юношей и девушек на оборонные предприятия и большие стройки в Урал, Сибири и другие отдалённые, заведомо непривлекательные места, из которых не все возвращались. Это было самым тяжёлым и переживательным моментом быть как бы участником и вестником драматических сообщений, процесса мобилизации, безвестности и ожидаемого горя.

Яркое впечатление на меня произвёл заведующий Прохоровским госсортоучастком Гриненко Пётр Петрович. Молодой, красивый, стройный мужчина лет тридца-

ти, неторопливо ходил по нашему хутору на работу с мерной тросточкой, летом в белой рубашке.

Он часто выступал на заседаниях правления колхоза с острыми характеристиками состояния дел в колхозе и чёткими конкретными предложениями, чем отличался от наших членов правления. До войны он был аспирантом у самого Н.Н. Вавилова и проходил аспирантскую подготовку в Краснодаре. После репрессии академика Вавилова его тоже коснулась судьба сторонника опального академика и, сразу после войны он попал к нам для восстановления сортоучастка. В конце сороковых годов его перевели заведующим Октябрьским сортоучастком для укрепления, где он проработал до конца жизни. Диссертацию он защитил в начале пятидесятых годов и был в области самым влиятельным растениеводом. Мне приходилось с ним контактировать много раз. Он советовал мне поступать в сельскохозяйственный институт. Когда после института я работал на Прохоровском сортоучастке, советовал поступить в аспирантуру, а в период работы на опытной станции постоянно помогал советами по различным аспектам растениеводства. Агрономические конференции и совещания в области не обходились без его горячего выступления. Человек он был не равнодушный и за истину мог идти на «плаху». Так в начале восьмидесятых годов в области развернулась пропаганда по орошению посевов кукурузы на базе местного стока и строительства для этих целей прудов. Как первоклассный специалист по этой культуре, он везде выступал об ошибочности этого направления в то время, писал докладные записки в облсельхозуправление и обком КПСС, к которым относились очень негативно.

Как человек, привыкший к тому, что к его мнению всегда относились с вниманием, очень переживал за несправедливость, что было не последней причиной его инфаркта и кончины в возрасте семидесяти лет.

Сразу после освобождения нашей территории для восстановления разрушенного хозяйства требовались строительные материалы, в первую очередь лес для по-

стройки сараев, складов, конторы и других хозяйственных объектов.

Поскольку вблизи у нас леса не было, плановые порубки нам выделяли в Неклюдовском лесничестве Шебекинского района и под Яковлевым – за 30 - 40 километров. Лес заготавливали старики да подростки. Хотя это был не таёжный лесоповал, но работа не лёгкая: пилить дубы и другие лиственные деревья, часто израненные осколками бомб и снарядов, прорубать просеки, вытаскивать стволы и ветви.

Жили в шалашах, тут же кормились скудной пищей, сами вдоволь кормили комаров, особенно в вечернее и ночное время. Особенно тяжело таскать лес из низин наверх, что приходилось часто, так как леса располагаются главным образом на пересечённой местности.

Перевозили лес на двух волах, племенной бык и две монгольских лошади, которых мы получили необъезженными. Один светло-серый конь никак не хотел подчиняться, был очень норовистый. Как чуть-чуть устанет, становится на дыбы и бьёт передними копытами. С ним управлялся только брат Шурка. Его как-то слушали животные больше, чем других. Ему подчинялся и племенной бык, который тоже был с характером.

Было бы не справедливо не коснуться детских взаимоотношений мальчиков и девочек тех лет. В семьях и в школе мы воспитывались на трепетном уважительном дружеском отношении одних к другим. Не было и намёков на раннем половом воспитании, не было тех средств информации, в которых могли дети познать интимные взаимоотношения полов. Само собой получалось бережливое отношение, как бы к запретной теме.

С девяти - десятилетнего возраста девочки воспринимались как возвышенные привлекательные существа непосредственные и красивые. Помню, как мне нравилась маленькая, весёленькая девочка в третьем классе – Шевченко Рая. Я мог часами на неё смотреть, её улыбки, шалости, как она одевалась в платице, а зимой на ней была шубка с опушечкой и валеночки, хрустящие по снегу.

Но в пятом-шестом классе она отдалилась, так как жила в другом конце хутора и на смену пришли более близкие. Когда мы в период прифронтовой жизни, начали хороводиться с двенадцати - четырнадцатилетними, симпатия перешла к серьёзным, рассудительным девочкам. У нас в хуторе была Киданова Нина, не сказать, что красавица, но с таким просветлённым лицом, ясной улыбкой, уважительным, но твёрдым характером, она главенствовала среди девочек и более влиятельные ребята ей симпатизировали.

Как-то у нас зашёл разговор, что взрослые ребята и девчата дружат парами, женихи и невесты, давайте и мы дружить парами. Но я, как самый незаметный, всегда беднее одеждой, не принял это в серьёз и отошёл в сторону. Какое же было удивление, что Нина выбрала меня и предложила мне дружбу. По-видимому, причиной было то, что я больше читал и рассказывал прочитанное, такие книги как «Дети капитана Гранта», «Всадник без головы», «Как закалялась сталь», «Рождённые бурей» и другие аналогичные, которые мне давали учителя. В этих книгах красиво описывалась детская любовь, в её платонической сущности и прочно закладывалась в детские души. Но в длительную дружбу и в дальнейшем в любовь она не переросла, так как мы стали переселяться в хутор Басенки к бабушке. Кроме того, я встретил враждебное отношение от ребят, которые симпатизировали Нине, а к настоящей борьбе я не был готов. Но уже в другом хуторе она мне снилась, а когда один раз был простужен до 40 градусов и бредил, то называл её имя.

Ну а дальше в-шестых-седьмых классах Гусёк-Погореловской средней школы, как упоминал раньше, мне нравилась Пономарёва Аня, но к сближению никаких шагов с моей стороны не было, по-видимому без надежды на взаимность.

Все эти годы маме доставалось сполна. Нужен бы Некрасов, чтобы достойно описать её горькую женскую долю. Кроме того, что нас надо было накормить, одеть,

обуть, учить в школе, надо ещё пережить злоключения каждого.

Иван в 1940 году окончил 10 классов и его призвали в армию 7 января 1941 года, откуда уже не вернулся, прислали казённое «пропал без вести», она всю жизнь надеялась, может отзовётся.

Шурка как-то барюкался с ребятами и поломал ногу, в гипсе был несколько месяцев, о ранении гранатой говорилось раньше.

Я в 1939 году поздней осенью гулял с ребятами на выгоне, стреляли из луков стрелами. Мне попала стрела копьём прямо в зрачок правого глаза. Свозила меня в Прохоровку, дали направление в Белгород, приехали ночью, одни незнакомые люди пустили нас переночевать. Не только обогрели, но ещё дали и дали чаю с повидлом, которое я впервые попробовал и запомнил навсегда как деликатес.

В Белгородской больнице, что на стадионе, маме сказали, что глаз надо удалять, но кто-то подсказал, что надо дать денег и глаз могут сохранить. Но денег не было, мама пошла к заведующей Кондрашовой Ксении Ивановне, та положила и начала лечить. За два месяца сделала две операции, глаз сохранила, но зрения не было.

Мама приезжала почти каждую неделю, пешком до Прохоровки 7 километров, на пригородном или проходящем поезде в Белгород, где ночевала кое-как, а потом обратно.

Со мной в палате был мужчина лет тридцати, Мухомов, относился ко мне как к сыну, разглядел красоту мамы и набивался мне в отцы. При выписке Ксения Ивановна сказала приехать через два года, может быть удастся сделать операцию и восстановить зрение процентов на 60. Но через два года война, так я остался слепым на правый глаз и привык этому состоянию. Не раз окулисты предлагали его удалить, но он сохранился, в детстве было мало заметно, что он не видит, а с возрастом всё заметнее.

Мама нас никогда не ругала, только грустно смотрела, наверное, всегда за нас переживала, что у нас не было обычного детства. Мы не видели её явно плачущей, если плакала, а без этого просто не могло быть, то втихомолку.

Не заставляла нас учить уроки, но пыталась всегда создавать условия, чтобы мы учились, она радовалась моим успехам и огорчалась слабой успеваемости брата Шуры и его шалостям.

Сейчас я сознаю, что силы ей придавала вера в Бога, всегда молилась на ночь, крестилась утром и перед едой, крестила нас и учила молитвам. При всякой возможности ходила в церковь в Радьковку за восемь километров. Помню один раз она меня брала с собой на Пасху, ночевали вблизи церкви у богомольных селян. Уже когда переехали в Майский, постоянно до последних лет ездила в Белгород, часто на всюнощную. Но мы воспринимали это как несерьёзное тёмное невежество, поскольку и в школе, и везде в обществе проповедовался атеизм, при изучении естествознания четко следовали учению Дарвина. Только теперь сознаёшь, что мироздание много сложнее наших представлений, что таким сложным миром, где нет ни начала, ни конца, кто-то и что-то должно управляться.

Сейчас сколько народов, столько и религий, но в каждой религии есть творец, всевышний и всемогущий, а различие в деталях, в обрядах, в описаниях разных авторов. Не может быть, чтобы это привиделось только юродивым, фанатикам, больным и другим людям со странностями. Только жалко смотреть на верующих, которые возомнили, что они всё познали, что открыли тайны, фанатично следующие одним канонам и отвергающие другие, верят в свою непогрешимость и силой вовлекают в свою веру других, нанося им часто человеческие обиды и несправедливости и страдания.

После освобождения нашей территории не все сверстники пошли учиться дальше, многие остались работать, остался и мой брат Шура, но я пошёл. Мы жили в хуторе Басенки за 3 километра, ходили в Гусёк-Погореловку, через два оврага, учились в приспособленных хатах, потому что новая школа сгорела вместе со 650-тью военнопленными и на её месте осталась огромная братская могила. В 1945 году среднюю школу закрыли, оставили только семилетку.

В памяти этих лет остались такие учителя как Литвинов Александр Иванович, немолодой, улыбающийся симпатичный преподаватель, выходец из мелкопоместного дворянства, высокообразованный, широко эрудированный, глубоко интеллигентный. Он мог преподавать любой предмет, но главным образом физику, математику, был завучем. Его жена – Нина Владимировна преподавала историю. Была у них одна дочь, погибла в железнодорожной аварии, оставила им маленькую внучку.

Как-то мы сдавали выпускной экзамен по химии. Принимали два преподавателя, в том числе Александр Иванович. Мы, ученики, создали конвейер: кто сдавал экзамен и выходил, приносил условия задачи тех, кто только что заходил, а мы их тут же решали и следующий относил обратно. Мне досталось решить не менее пятнадцати задач. В конце экзамена выходит Александр Иванович и смеётся: «Ну, ты Асыка, ещё живой? Сколько задач решил?» Он всё видел и не остановил нашу аферу. Из Басенкова хутора мы ходили в школу вдвоём с Шеховцевым Филиппом. Зимой, в трескучие морозы, лошадиные «яблоки» служили нам мячиками, мы их буцали по дороге. Мартовскими днями особенно запомнились заливистые жаворонки, сопровождавшие нас всю дорогу.

Ещё мне запомнился одноклассник Немыкин Иван Устинович. Он пришёл в седьмой класс в середине семестра, сразу обратил на себя внимание способностью к математике. Мне кажется, он научил меня быстро и простым кратчайшим путём решать задачи. Он не доучился до выпускных экзаменов и куда-то уехал.

После закрытия средней школы в Гусёк-Погореловке в 1945 году можно было поступить или в Радьковку, или в Прохоровку. Мало кто отважился на это, но я пошёл, хотя мама говорила: «Может не надо? Как ты будешь туда ходить?» Из наших шести хуторов в Прохоровку в девятый класс пошли только четверо: из Басенков я один, да из Дубового девочки – Балабанова Аня, Колесникова Мария и Немцова Настя. Пешком семь километров туда и столь-

ко же обратно. Потом обзавелись велосипедами, на зиму находили квартиры.

Найти бы сейчас ту квартиру, где я жил зимой 45 - 46 года. Меня приютила семья из трёх человек, мама тогда на вид пожилая, около пятидесяти лет, младшая дочь – моя одноклассница Вера и старшая – Нина, учительница начальных классов в селе Красное за четыре километра. Жильём хату нельзя назвать. Маленькое строение, 5 x 4 метра, столбики, заплетённые хворостом, то есть плетневые стенки. Маленькая печка-грубка с двухконфорной плиткой, топилась соломой, хворостом, торфом. Дров, как таковых не было, об угле и речи не было.

На мою долю Шура привёз несколько плиток кизяков и соломы, другого у нас не было. Мало что было и у хозяев. В лютые морозы рубили хворост в лесопосадке на границе огорода, но он не хотел гореть. Тётя Маша ложит его на солому, а из него меньше огня, чем дыма, который идёт не в трубу, а в комнату. У тёти слёзы то ли от дыма, то ли от отчаянья. Сёстры спали на узенькой кровати «валетом», тётя у лежанки примащивала себе из досок, а я на так называемой раскладушке: сбитых двух крестовинах, обшитых рядом, подушка и одеяло. Помню, как в одну из длинных ночей восклицает: «Да что это за жизнь такая, когда она проклятая кончится?» Год был голодный, мне на одного привезли картошки, в субботу мы уходили домой, а в понедельник мне давали на неделю полбуханки хлеба, испечённой из разной смеси и немного пшена. Нине, как учительнице, выдавали по карточкам пару кирпичиков хлеба, на всю семью. Тётя варила суп, тем и жили. Помню морозную вьюжную ночь, когда я проснулся утром, меня присыпало снегом, стена плетневая треснула, через щель намело сугробик. После неоднократных таких «ванн» моё тело покрылось чирьями, которые долго не сходили со спины.

Но мы учились. К нам приходила двоюродная сестра Веры – Клава, боевитая хохотушка. На троих было по одному учебнику, вместе решали задачи и за два километра с хутора Мордовка ходили в Прохоровку.

Вторую зиму меня приютили недалеко от школы семья тракториста. К своему стыду не могу вспомнить, как их звать. Жили они в достаточно приличном бараке, просторная комната, кроме тракториста с женой у них была девочка моложе меня лет на пять. Хотя 1946 год был самым голодным, они питались лучше, вместе с ними и я. Запасённого топлива тоже не было. Зимой мы ходили в лес, спиливали дубочек, распиливали и по глубокому снегу с брёвнами на плече, ночью приносили, распиливали в комнате, рубили и топили плиту. То-то было блаженство!

У нас были знаменитые преподаватели, вернувшиеся фронтовики. Директор школы Простаков Пётр Андреевич, его сын – Борис (Мариес) учился в нашем классе. Учитель Физики – Кирилл Иванович Чернышов, его жена – (.....) Ивановна. Учитель математики – Ксения Ивановна, её дочь – Аза - наша одноклассница. Дочь председателя райисполкома – Шура Ефименко, две сестры Волжины, Тамара и Светлана, их подруга красавица Рая Юрченко, такой был звёздный класс.

С особой теплотой вспоминаю преподавателя литературы – Ефросинью Прокофьевну, она была и завучем школы. Невысокого роста, фанатичная, всегда заряженная энтузиазмом, талантливый педагог, в меру строгая. Говорили, что иногда она выпивала, но я не замечал.

Кроме программных занятий она организовывала и внеклассную самодеятельность. Ставила серьёзные пьесы. Так в постановке пьесы Горького «На дне» меня поставила на одну из главных ролей – Васьки Пепла (вода). Конечно, я её провалил, так как нигде я никаких постановок не видел. В ходе действия надо было обнимать и целовать Шуру Ерёменко, а как это делать, да ещё на людях, я и понятия не имел. Эта роль подходила Боре Простакову, но Ефросинья Прокофьевна почему-то отдала мне.

Я ведь ходил в пиджачке, перешитом из поношенной шинели, в матерчатых бурках, всегда голодный, с чирьями на спине. Но опытная прозорливая учительница усмотрела во мне какие-то задатки и, под недоумённые

взоры окружающих, отдавала мне предпочтение перед хорошо одетыми, благополучными одноклассниками.

Выпускные экзамены мы сдавали в Радьковке, почему-то РОНО не доверило их принимать в Прохоровке. Мы были, кажется, первым выпускным классом после войны в 1947 году, 60 лет назад.

Институтские годы

У каждого человека годы учёбы в ВУЗе самые памятные и на всю жизнь оставляют неизгладимый след. Сказать, что я стремился поступить в сельскохозяйственный, будет не искренне. Получив аттестаты, мы с Петром Маматовым поехали в Харьков, на вокзале нам попалось объявление в юридический институт, что привлекательно, наверное, для каждого абитуриента. Когда на трамвае приехали на остановку ул. Артёма, где находится юридический институт, перед нами висело красочное объявление сельскохозяйственного с предложением общежития, студенческой столовой, подсобного хозяйства, а прямо возле остановки роскошный учебный корпус и рядом общежитие. Поэтому мы благоразумно сдали документы в сельскохозяйственный. Хотя в 1947 году общежитие ещё не было восстановлено, ещё не все окна застеклены, электросвет с перебоями, шёл полным ходом ремонт, но мы были рады и этому. Когда сдавали вступительные экзамены, приходилось варить картошку в котелке на улице на кирпичках.

При поступлении конкурс был 3 человека на место, причём участники войны, демобилизованные воины шли вне конкурса, а для нас, школьников, конкурс возрастал до 6 - 7 человек. Мы прошли конкурс. Студенческая жизнь тех лет замечательна тем братством, объединявшимся трудностями послевоенного быта. Мы получали продуктовые карточки на хлеб, талоны на питание в столовой, небольшое число талонов на одежду, которые распределялись в группе по мере острой нуждаемости и стипендию 220 рублей. Для меня в сравнении с прошлой

жизнью было если не благодать, то вполне пристойно. Как слабо обеспеченный и успевающий всегда пользовался общежитием наравне с демобилизованными солдатами и офицерами, которые, как правило, были лучше материально обеспечены. Какая-то часть студентов всегда вынуждена подрабатывать на стороне. Больше всего ездили на разгрузку вагонов на товарных станциях Харькова, а у нас образовалась постоянная группа из ребят, обслуживающая типографию по погрузке бумаги и печатной продукции. Иногда приходилось разгружать мусорные ящики, что оплачивалось больше, но на эту работу шли самые бедные. За заработанные деньги покупали одежду, кое-какие подарки домой, ходили в театры, а иногда и пивом баловались. Так на втором курсе на заработанные деньги я купил первый в жизни суконный костюм. Со второго курса я стал получать повышенную на 25% стипендию, что было стимулом к получению отличных отметок. Регулярно, через месяц примерно, иногда чаще, ездили домой, за картошкой и другими продуктами, а в село привозили камсу (маленькую рыбку). Бывало приедешь, а председатель колхоза Кривенко Леонтий Сергеевич уже кричит с улицы: «Колька приехал! А рыбки привёз?» Заходит и горстями, не мытую, с жадностью поглощал. Бывший моряк он из тех талантливых сельских лидеров умел организовать и воодушевить колхозников на ударную работу.

Колхоз имени Энгельса почти всегда был передовым в Прохоровском районе. Поездки на пригородных с Харькова до Прохоровки и обратно почти всегда были с происшествиями. В перегруженных дачных или товарных вагонах часто приходилось ехать на подножках или крышах, не редки были группы хулиганов, обирающих и отнимающих продукты. Нас спасало то, что мой товарищ Петя был крупный, без правой руки сходил за фронтовика и его побаивались или уважали.

В Белгороде была пересадка с поезда Харьков-Белгород на поезд Белгород - Ржава, часто приходилось ночевать в Белгороде, полуразрушенном городе или вблизи вокзала, или в бараках на том месте, где сейчас драм-

театр. Приятно вспомнить, что белгородцы после войны отличались гостеприимством, почти всегда пускали переночевать, давали приют, поили чаем.

Мы гордились своим институтом, красивым зданием, богатой историей, именем В.В. Докучаева, профессорским составом. Ректор – академик Соколовский А.Н., академики Юрьев В.Я., Кулешов Н.Н., Лазарев Б.Н., Страхов А.Д., Пищимуха П.С., Мигулин А.А., Крупский Н.К. и другие составляли цвет науки того времени. Многие демобилизованные доценты, преподаватели и весь педагогический состав в послевоенные годы трудились самозабвенно и ответственно. Как не назвать таких учителей, как Можейко А.М., Пилипец Г.В., Кружанов С.С., Л.Н. Делоне, А.Ф. Якименко, Г.В. Коренев, Л.Ф. Красносельская и многих. Многих других. Бытовые трудности с лихвой компенсировались старательностью, прилежанием и стремлением лучше учить и учиться, поэтому знания получались основательными.

Частенько я перекидываю альбом и фотографии тех студенческих лет, вглядываюсь в лица своих друзей и беседую с ними, как мы жили, учились, дружили и расстались после окончания института. Вот Ваня Малыхин. Мой земляк, жили с ним в одной комнате, участник войны. За все четыре года ни одной четвёрки, круглые пятёрки. Он так писал конспекты лекций, что они были как учебники, многие по ним сдавали экзамены. После аспирантуры направлен в Луганский сельхозинститут, где многие годы был заведующим кафедры земледелия, сейчас почётный профессор аграрного университета. Прохожай Ваня, тоже участник войны, отличный гимнаст, с ним мы были на практике в совхозах Харьковщины, любимец факультета, после окончания института работал на Донецкой опытной станции, автор Донецких сортов ячменя, Лауреат Государственной премии. Цыбулько Володя, с которым мы работали в одной группе в типографии, вскоре после защиты кандидатской диссертации много лет был деканом родного агрофака. Он стал видным учёным физиологом, часто приезжал в Белгородский СХИ председателем госу-

дарственной экзаменационной комиссии, у многих белгородских аспирантов был научным руководителем. Ластович Галя стала ведущим селекционером на Ивановской опытной станции Сумской области, автор районированных сортов озимой пшеницы. Вера Гарбуз, друг и жена Вани Малыкина – доцент Луганского СХИ. Из нашей группы половина стали кандидатами наук, а несколько стали видными учёными на Украине и в России.

В Харьковском СХИ продуктивно и творчески были организованы летние практики. После первого курса в учхозе «Рогань» нас поселили в коровнике, коров вывели в летние лагеря, помещение почистили, подремонтировали и мы там весело прожили, прошли курс всех летних полевых работ на полях хозяйства и на опытном поле. После второго курса с Прохотаем Ваней работали в колхозе, а после третьего в совхозе Кичеивского района, где нам доверяли быть звеньевыми и бригадирами. После четвертого всей группой работали в Валковском районе, под руководством доцента кафедры организации Сергея Ивановича Черняева, стажёрами-агрономами в колхозах.

В колхозе имени Молотова мы с Офием Василием Семёновичем разработали севообороты, которые были приняты управлением сельского хозяйства для внедрения в колхозе в натуре, а нам выдали солидную премию.

В те годы внедрялась травопольная система земледелия Вильямса, нам приходилось много доказывать её преимущества. После практики председатель колхоза Михаил Иванович Косой приглашал после получения диплома на работу в колхоз. Он водил меня по селу и с увлечением рассказывал о перспективах развития хозяйства, где будут новые фермы, дом культуры, детский сад и новый дом для агронома колхоза.

Мой путь к науке

В сельскохозяйственный институт я поступил, имея опыт работы на земле: в 12 лет – звеньевой ученического звена на пришкольном участке, в 13 – в период оккупации в годы войны на собственном земельном наделе в по-

ле, с 14 до 18 выполнял все виды тяжёлой мужской работы. В институте материальная база была слабой, но преподаватели стремились дать знания и приучали к самостоятельной исследовательской работе, на каждой кафедре работали научные кружки. С теплотой вспоминаю доцента кафедры земледелия Сергея Степановича, по заданию которого я изучал заделки семян овсяницы луговой и костреца безостого. В металлических банках высевал по 20 семян на 5 глубин в четырёхкратной повторности. Ежедневно после занятий велись фенологические наблюдения и подсчёты, всё заносилось в журнал, результаты докладывались и обсуждались на кружке. Интересно наблюдать, как малюсенькое семечко массой в один миллиграмм даёт жизнеспособный росток, преодолевая пятисантиметровый слой почвы.

На кафедре земледелия готовили научные рефераты. Мой реферат о научных трудах П.А. Костычева заведующий кафедрой профессор Анатолий Николаевич Клечетов высоко оценил и посоветовал продолжать эту работу. Кружком на кафедре растениеводства руководил доцент Григорий Васильевич Пилипец, впоследствии выдающийся учёный, профессор, много сделавший по развитию свекловодства в нашей области. Перед кружковцами часто выступал заведующий кафедрой академик Кулешов Николай Николаевич. Он побывал во многих странах, руководил экспедициями по сбору и изучению многих культур. Его беседы и лекции всегда завораживали интересными сообщениями и рассказами, с ним мысленно мы путешествовали по земному шару, общались с мировыми именами растениеводов и биологов, с которыми он был знаком лично. В годы борьбы с генетиками, с «морганизмом – вейсманизмом», он говорил, что не раз пил чай с Морганом, что он не то страшное, что изображалось в нашей печати в те годы, а это очень привлекательный учёный, добрый человек, обладающий огромной эрудицией и тактом. Н.Н. Кулешов был соратником академика Н.И. Вавилова и заведовал отделом кукурузы во Всесоюз-

ном институте растениеводства, в 1932 г. был сослан в Сибирь, где пробыл до 1946 г.

В кружках мы научились работать с литературой. В те годы в Харькове находилась библиотека Украинской академии сельскохозяйственных наук с богатым литературным фондом в уютном здании недалеко от института, где приветливые сотрудники всегда предоставляли литературу классиков агрономии: Советова, Стебута, Докучаева, Костычева, Вильямса. Богатейшая библиотека есть и в Харьковском институте, отметившего 190-летие в 2006г.

Среди бывших фронтовиков и шустрых харьковских одногодков я был мало заметным, мне доверяли кассу взаимопомощи, иногда на студенческих научных конференциях председательствовал на секции растениеводства, но окончил институт с «красным» дипломом и приглашением остаться в аспирантуре. Но я выбрал практическую агрономическую работу в своём родном колхозе имени Энгельса, где располагался Прохоровский госсортоучасток и, в дальнейшем, не пожалел.

Работа на сортоучастке

Государственные экзамены в институте закончились 30 марта, а первого апреля я уже работал на Прохоровском сортоучастке. Подкармливали полянки озимых аммиачной селитрой вручную. Поступил на сортоучасток по распределению с учётом желания. Распределение проводилось по разнарядке министерства сельского хозяйства. Комиссия ректората вызывала на собеседование и выбор места работы первыми тех, у кого было больше баллов в приложении к диплому. Места были по всему Советскому Союзу от Дальнего Востока до западных областей Украины. Два места было в Курскую область и одно досталось мне. По согласованию с облсельхозуправлением, по договорённости с заведующим Прохоровским сортоучастком Г.Н. Кабелко, начальник инспектуры по сортоиспытанию Иван Николаевич Лихолетов принял меня агрономом. Первым помощником заведующего сортоучастком с окладом 640 рублей. Так я оказался в своём родном хуторе Ба-

сенки, где вырос, где проработал военные и послевоенные годы, о чём сказано раньше. Мои сокурсники, как правило, назначались в местах распределения главными агрономами, директорами МТС и на другие престижные руководящие должности с окладами 1500-1800 рублей.

На сортоучастке была постоянная бригада рабочих 15 человек, в том числе мои сверстники, с которыми я рос и работал раньше.

В начале обращение у нас было как с равными, называли меня Колька, но заведующей сортоучастком – Валентине Георгиевне Кабелко это не понравилось: «Вот что. Чтобы с этого дня я не слышала «Колька», только «Николай Романович». Вначале это было непривычно, а потом прижилось, так я стал не только среди своих рабочих, но и всех односельчан Николаем Романовичем.

Первый день работы запомнился тем, что первого апреля 1952 года почва на озимых рано утром была мёрзлым черепком, а к обеду растаяла на глубину 10 -15 сантиметров, а местами глубже, мы прогружали до мёрзлого слоя, кое кого вытаскивали с помощью верёвки, но надо было строго соблюдать норму внесения удобрений на каждую делянку.

Работу на сортоучастке я считаю замечательной школой становления квалифицированного агронома, где сочетаются теоретические познания с практической исследовательской работой и выполнением всех технологических операций по возделыванию культур. Здесь осваиваются четыре тома методических указаний по сортоиспытаниям всех полевых культур. Ни в какой другой отрасли земледелия нет такой всеобъемлющей, чёткой и конкретной методики полевых опытов. Освоив её, становишься настоящим агрономом-исследователем. Было бы полезным такую практику работы всем выпускникам агрономам, она подобна врачебной практике интернатуре.

После работы на сортоучастке на всех последующих должностях у меня не было агрономических трудностей, что позволяло быть на передовых позициях и в производстве, и в науке.

Я с теплотой и благодарностью вспоминаю совместную работу с Кабелко Валентиной Георгиевной и её мужем – Кабелко Георгием Несторовичем, который в те годы был председателем укрупнённого колхоза имени Энгельса. Они сначала тактично направляли меня в работе, а затем полностью доверяли всё ведение сортоиспытания, написание отчётов, справок и общение со всеми организациями. На общественных началах выполнял обязанности агронома колхоза, так-как машинно-тракторная станция не закрепляла в этот колхоз участкового агронома. Общаясь с агрономами в МТС, я познакомился и с будущей моей женой Катей.

Я часто бывал в гостеприимной семье Кабелко, где их мама – Матвеевна – отлично готовила обеды, особенно пирожки, и управлялась с тремя малышами, всегда добрая и весёлая, подавала пример счастливой семейной жизни.

Бригада на сортоучастке была слаженная, сплочённая за много лет совместной специфической работы. Наряду со старшими мастерами Старченко Василием Марковичем, Рекуновым Ефимом Тарасовичем, Коломыцевым Василием Иосифовичем, которые красиво сеяли делянки на лошадях, была молодёжь – мои сверстники, - которым не удалось поступить учиться, но обладали природным даром и крестьянкой сметкой.

Коломыцева Аня, Демченко Маруся, Коломыцева Вера считались первым, вторым и третьим помощниками агронома, потому, что чётко изучили и выполняли методики сортоиспытания, всё делали хорошо и сознательно. Им доверялась любая полевая и аналитическая работа: разбивка делянок, установка норм высева, подсчёт стояния растений, разбор структуры урожая и других.

1953 год был не благоприятный для перезимовки озимых. По заданию областной инспектуры я подготовил справку о причинах гибели озимых, которая понравилась начальнику – Лихолетову И.Н., после чего он стал приглашать меня в инспектуру для проверки отчётов других сортоучастков. В те годы состоялось знакомство с заведующими сортоучастков, которые ещё до войны их орга-

низовывали и по много лет работали. Полезным было общение и соревнование с другими сортоучастками. Наш соревновался с Октябрьским, где заведующим был Гриненко Пётр Петрович. Каждое лето мы всей бригадой ездили друг к другу, взаимопроверка посевов, весёлое застолье сближало и обогащало обоих.

Ежегодно проходили летом семинары с агрономами района, а иногда и с руководителями хозяйств, где знакомили с районированными и перспективными сортами, особенностями агротехники на сортоучастке, где получали всегда более высокие урожаи, чем в колхозах на основе применения лучших сортов, внесения удобрений, оптимальных сроков и высокого качества работ.

Сортоучасток посещали руководители района, с вниманием выслушивали и учились культурному растениеводству. Здесь же присмотрели во мне, наверное, настойчивость в работе, так как в 1954 году предложили стать председателем объединившегося из трёх хозяйств крупного колхоза имени Ворошилова. Но я не согласился, а в 1955 году перевели в отстающую Прохоровскую машинотракторную станцию главным агрономом, где они почему-то долго не задерживались.

В 1953 году страну постигло горе. Умер Сталин. По всей стране проходили траурные митинги и собрания. Абсолютное большинство советских людей искренне скорбели, так как с его именем было связано всё хорошее в нашей стране. Победа над фашизмом. Мобилизация всех на послевоенное восстановление и постепенное улучшение жизни. Отмена карточек и постоянное снижение цен и многое другое.

В нашем колхозе состоялось собрание в школе, где выступал и я о роли Сталина в жизни страны, и мои слова доходили скорбью до колхозников. Тогда мы не знали того, о чём сегодня говорится в СМИ: о злодеяниях Сталина, что по его вине погибли миллионы ни в чём не повинных людей, что наша страна была закрыта железным занавесом от мировой цивилизации и т. д. Теперь не говорят о том, что может быть в той обстановке мирового империа-

лизма и внутренней контрреволюции по-другому и нельзя было. Не было бы Советского Союза, не было бы и могущественной державы с мощной промышленной индустрии высокоразвитой наукой.

Мы прожили противоречивое время. Можно судить о себе, что нас перемололо катком коллективизации, многие не пережили того трагического периода, но наше поколение не держит в памяти того, злого, периода. Несмотря на лихое время и материальные трудности нас учили добру, были созданы контуры высоконравственной коммунистической морали на основе кодекса коммунизма, уже организованы основы социалистического общества с бесплатным всеобщим образованием, бесплатной медициной, культурой, санаторно-курортным лечением, отдыхом, спортом и другими недоступными льготами теперь малообеспеченным слоям населения.

Привилась гуманистическая культура на основе социалистического реализма, создавались произведения, где проповедовалась социалистическая мораль, близкая или почти тождественная христианскому учению взаимоотношения людей, любовь к труду, неприятие к стяжательству и победе добра над злом.

Может быть излишне делали Сталина божеством, мы его видели только на портретах и в президиумах на съездах и больших праздниках. Он не гастролировал по стране и всему миру. Но теперь мы знаем, как он кропотливо работал день и ночь, вникал во все стороны жизни и определял направление развития по всем отраслям, хорошо знал кадры не только партийной элиты, но и крупных предприятий.

Беда нашей страны в том, что не нашлось верного последователя и такой личности как он. Хрущёв разорвал железный занавес и в страну хлынул поток капиталистической грязи. Об этом красноречиво свидетельствует установка Даллеса, мобилизационные речи Черчилля и вся последующая история, когда разведывательным и подрывным службам США и других её сателлитов удалось разложить верхушку партии и практически все среднеко-

мандные звенья, когда стали жить двойной моралью: на обществе за социализм, а лично – сколько захвачу себе.

На сортоучастке основным транспортом были лошади. Заведующая ездила на «линейке». Это подростокоренная тележка с подножками, а я больше верхом, особенно по полям колхоза и в поездках на Прохоровку, но в 1953 году приобрёл мотоцикл К-125, это было ещё редкость в селе, и на нём гонял, возил рабочих в поле, мелкий инвентарь, он был хорошим подспорьем в работе.

Работа в машинотракторной станции

Начальник Курской инспектуры по сортоиспытанию, видя, что я перерос рядового агронома, стал предлагать мне должность заведующего сортоучастком сначала на Губкинском, куда я поехал посмотреть и ознакомиться. Меня приветливо встретили, но я не принял это назначение, сортоучасток показался сиротливым, самого города Губкин ещё не было, была маленькая железнодорожная станция с будочкой, а вблизи небольшое село. Предлагали и другие сортоучастки в Курской области, но я решил остаться в Прохоровке и обратился в Прохоровскую МТС. В нашей Призначенской МТС работал главным агрономом мой товарищ Пётр Маматов, с которым мы учились и в Гусёк-Погореловской, и в Прохоровской школах, и все 5 лет в институте жили в одной комнате, кушали борщ с одной миски, а картошку – с одной сковородки. Учился он средне, а я был отличником. Он распоряжался большим коллективом, ездил на легковой машине, зарплату получал 1600 рублей, и я решил его догнать.

В МТС я пришёл самостоятельно, без протекции и без направления с условием: если я не понравлюсь и не справлюсь, то меня рассчитают.

Старый опытный партийный работник – Шувалов Сергей Михайлович – заместитель директора по политчасти, посмотрел на меня, тщедушного, с доброжелательной усмешкой и посоветовал директору меня принять с испытательным сроком. За работу я принялся с рвением. Агрономом-плановиком работал опытный агроном Сиротенко

Степан Петрович, которого я видел в военные годы, как он быстро пешком ходил по нашим полям. Он быстро ввёл меня в курс дела.

Директором МТС был прошедший войну, и после демобилизации окончивший Полтавский сельхозинститут Сень Пётр Тарасович, его жена – Олимпиада Саввична, работала агрономом-семеноводом, ещё была агроном-мелиоратор – Филиппова Роза Павловна. Все специалисты размещались в одной комнатке маленького домика. С нами были: главный зоотехник – Мария Дмитриевна Дудко, бухгалтер-ревизор и землеустроитель.

В МТС я пришёлся ко двору, до меня за шесть лет сменилось четыре предшественника, а последний – Ковешников – исчез в неизвестном направлении. В специальном агрономическом плане я имел глубокие знания, а сельское трудовое воспитание позволяло быстро ориентироваться в обстановке и принимать правильные решения, хотя в некоторых организационных мероприятиях надо было учиться. Первый мой неудачный опыт был по организации семинара по квадратно-гнездовой посадке картофеля, когда за два дня надо было освоить и показать её технологию. Но хорошего семинара не получилось, квадраты не получились чёткими, как положено. За это директор Сень на меня начал кричать, это был стиль его работы, брать не личным примером и знаниями, а командирским криком. Но мой находчивый ответ отбил желание поднимать на меня голос. И в дальнейшем я заметил: если в первый раз дашь повод и возможность на тебя кричать, то это входит в привычку, в плохую привычку. Но если с первого раза дать достойный отпор, то больше кричать не посмеют. Так было с первым секретарём райкома КПСС, когда ему дали замечание в области за отставание в очистке семян. Он начал меня отчитывать: «Вот, ты молодой, имеешь высшее образование, а у меня – дети, их лупить надо», на что я резко и громко ему ответил, что мы учились самостоятельно, без «богатеньких» родителей, а Вы за свои чада хотите ездить на других. Он не обиделся и после этого стал меня больше уважать.

Работа в МТС была как один нескончаемый день, когда трудились без выходных и отпусков. Вооружённые решениями о подъёме сельского хозяйства все были заряжены на их выполнение. 1955 год совпал с инициативами Хрущёва по внедрению кукурузы, как королевы полей, способной обеспечить кормовую базу для растущего животноводства. В течение одного года заводы страны изготовили приспособления для квадратногнездового сева зерновых дисковыми сеялками СД-24 по мерной проволоке. Страна обеспечила и семенами кукурузы, посевы которой были расширены в невиданных размерах. Быстрое обучение всех специалистов, механизаторов и колхозников не всегда достигалось с высоким качеством. В ходе сева первый год всем приходилось доучиваться в борозде. В нашей МТС в совершенстве освоили методику регулировки приспособлений и пуски их в работу два человека, кроме меня – механик по сельхозмашинам – Мишакин Сергей Архипович. Нам достаточно было трёх - четырёх часов, чтобы в поле заново переналадить машину, подучить семь рабочих по переноске мерной проволоки и натяжных станций и получить квадратное размещение семян, особенно на стыковых междурядьях. Так в течение светового дня объезжали посевные агрегаты и везде нас встречали с надеждой на успех. Надежды оправдывались, отчего рос наш авторитет и влияние.

Рабочий день агронома начинался с восьми часов, к этому времени у диспетчера была готова сводка о выполненной за прошлый день работе во всех тракторных бригадах и о техническом состоянии каждого трактора, обеспечением горючим и возникающих проблемах. После их решения с технической частью и другими службами выезжаешь в колхозы для контроля работы, организации и корректировки взаимоотношений тракторных бригад с полеводческими. В каждом колхозе были участковые агрономы, которые были в штате МТС. У нас в колхозе имени Сталина работали Коломыцева Анна Максимовна, очень квалифицированная, степенная, уважаемая всеми, в последствии награждённая двумя орденами Трудового

Красного Знамени, всю жизнь проработала в этом колхозе. Попова Александра Степановна в колхозе имени Хрущёва, очень боевая, властная, авторитетная, ездила на большом мотоцикле. В колхозе имени Карла Маркса – Алексеев Иван Степанович, затем стал председателем этого колхоза. Со всеми у меня был хороший, почти дружеский контакт и взаимопонимание.

Главный агроном МТС, он же первый заместитель директора, во многом определяет политику и влияние на колхозы. В самом начале весны 1955 года перед весенним севом мне поручили доклад на совете МТС, высшем органе управления её с колхозами, о готовности МТС и колхозов к весеннему севу. Сейчас не могу точно определить, то ли по интуиции, то ли из практического знания жизни, но готовясь к докладу, я осознал не рациональное организационное устройство, когда несколько полеводческих бригад колхоза, обслуживались одной тракторной бригадой. Это приводило к снижению ответственности механизаторов за конечный результат и к некоторой обезличке в использовании земли.

Такая организация была необходима раньше при недостатке техники, а к 1955 году она стала поступать более щедро и появилась возможность сформировать комплексные тракторно-полеводческие бригады. Для этого надо было с одной стороны разукрупнить тракторные и укрупнить полеводческие бригады. На каждую тракторно-полеводческую бригаду ввести свой севооборот.

Такую перестройку я предложил Совету, что было воспринято неоднозначно. Многим она показалась неожиданной, кое-кто посчитал её абсурдной. Выступивший председатель колхоза имени Хрущёва говорил, что тут нам мелет молодой агроном, вместо насущных вопросов о подготовке техники, семеноводству, удобрениям и другим, он говорит о какой-то «перестройке». Но мне удалось убедить Совет о необходимости повышения ответственности, об использовании земли и за конечный результат. Руководство МТС меня поддержало.

В последствии это нововведение оправдало себя и, по моему мнению, стало решающим в быстром подъёме земледелия. В начале тракторные бригады были малочисленными по тракторам, но с каждым годом каждая бригада получала по новому трактору и укреплялась. В повседневной работе мы опирались на одно руководящее лицо в зависимости от квалификации и авторитета: то ли это был бригадир тракторной, то ли – полеводческой бригады. Я и сегодня с теплотой вспоминаю бригадиров Чурсина Ивана Никаноровича, Чурсина Ивана Павловича, Нетёсина Егора Михайловича, Подчасова Никиту Ивановича, Алейникова Николая Александровича, Серикова Григория Никитовича, Серикова Алексея Григорьевича, Малыхина Андрея Даниловича. Некоторых помню в лицо, но запомнил имена, хотя они строем проходят в памяти.

Не все они были одинаково дисциплинированы, кое с кем приходилось проводить воспитательные беседы, иногда и принимать меры, хотя они все были старше и почти все воевали. Помню, как Г.Н. Сериков какое-то время в ответственный уборочный период увлекался выпивкой, а я исполнял обязанности директора. Мне пришлось его отчитывать достаточно строго на совещании при всех бригадирах и, кажется, нашёл убедительные слова, он исправился, и мы с ним нашли взаимопонимание и даже подружались. Завершение уборки отмечалось в бригаде днём отдыха в коллективе, и они пригласили меня. До сих пор вижу, как передо мной открыли короб телеги, полный шевелящихся щук, выловленных в верховьях реки Псёл возле ключей села Прелестное.

Разные вспоминаются эпизоды. Приняли меня в МТС в январе, а в это время проходят отчётные собрания в колхозах, где отчитываются и представители МТС. Послали меня в колхоз имени Карла Маркса. После моего равнодушного отчёта председатель колхоза Немыкин Никита Ильич, бывший замполит Призначенской МТС, так повёл собрание, что все свои недочёты свалил на МТС, и на собрании дали ей неудовлетворительную оценку. По приезду меня спрашивают руководители – как прошло собрание?

Я, сообщил, какую дали оценку. Возмущению руководства не было предела. Отчитали меня и послали заново проводить собрание. Здесь я уже поправился, выступил так, что если колхоз не удовлетворён работой механизаторов, то мы отзываем их из колхоза и разрываем договор, но учесть, а кто же всё делает в поле и более объективно рассмотреть допущенные недоработки. Оценка, конечно, исправилась на удовлетворительную, но этот эпизод помог мне быть более принципиальным в отстаивании интересов коллектива.

Поскольку в то время нагрузка на тракторный парк была очень большая, использование его в большинстве было в две смены, пахали и ночью. В разгар вспашки зяби практиковалась проверка ночной пахоты. Как-то мы с директором поехали проверять её в колхоз имени Сталина. В бригадах Подчасова и Кулешова пахали нормально, а в четвёртой бригаде Аленикова мы не слышали гула тракторов. Поехали на квартиру бригадира, разбудили, он вышел в нижнем белье и босиком. Предложили показать, где идёт работа, он сказал, что сейчас оденется и поедет, но директор Пётр Тарасович предложил садиться в машину как есть. Поехали на одно поле – тракторов не нашли, на другом – тоже, директор оставил его, а мы уехали. На моё замечание, что так делать нельзя, директор с усмешкой сказал: «Ничего, скорее протрезвеет». Этот эпизод как-то всю жизнь стоит укором, примером пренебрежительного отношения к подчинённым.

В первый же год мы перестроили севообороты, чтобы на каждую тракторно-полеводческую бригаду был свой севооборот, для этого пригласили землеустроителя Гипрозема, работал у нас Калашников Иван Устинович, впоследствии главный инженер центрального института «Росгипрозем» в Москве. Мы очень продуктивно и творчески с ним работали. Мне пригодился опыт студенческой практики в колхозе имени Молотова Харьковской области. В основу проектирования мы не взяли стандартный опыт нарезки полей по заранее принятой схеме чередования культур, а главным образом учитывали особенности релье-

ефа с целью укрупнения поле и севооборотов с короткой ротацией не 8 – 10-польных, а 5 – 7-польных, в которых однотипные по технологиям культуры концентрировались в одном массиве, а не раздроблялись по разным удалённым полям. Это способствовало более производительному использованию техники, сокращало холостые переезды, улучшало техническое и бытовое обслуживание.

Будучи молодым, ещё не битым специалистом, уверенным в своих знаниях и агрономическом опыте, я работал смело, и брал на себя ответственность в технологических особенностях возделывания культур, применял новые приёмы и достижения науки. Быстро внедрили раздельный способ уборки зерновых, наладили размножение новых районированных сортов, добивались обязательного лущения стерни и хорошей вспашки плугами с предплужниками. Не всё давалось легко. Так попытка внедрить квадратно-гнездовое возделывание сахарной свеклы в первый год в колхозе имени Хрущёва не удалась. Поле было засорённым не выравненным, всходы свеклы, всходы свеклы были не полными и не удалось получить хорошие букеты всходов свеклы. На второй год этот опыт заложили в колхозе имени Сталина с хорошей предварительной подготовкой поля и получили требуемые результаты. Если обычно свекловичница прорывала по 6 - 8 сотых, то на разборке букетов обрабатывала до 20 сотых гектара. Плантацию обрабатывали культиватором вдоль и поперёк. Опыт удался, и урожай получили не хуже, чем при обычной ручной прорывке.

1957 год для свеклы с весны был не благоприятным. В период всходов прошёл сильный ливень, уплескал почву и образовалась толстая корка, через которую не могли пробиться слабые росточки свеклы. Утро я выехал в колхоз имени Сталина и с, председателем Свитченко Романом Викторовичем и агрономом Коломыцевой Анной Максимовной, увидели печальную картину. Росточки, подходя к корке, закручиваются и гибнут, лишь отдельные пробиваются через трещины к поверхности. Я попросил привезти лёгкую, среднюю и тяжёлую бороны, и мы

вручную попробовали ими разрушить корку. Лёгкая боро-на не обеспечивала её разрушение, а средняя и тяжёлая – разрушали, хотя и повреждалась часть проростков свек-лы. Но мы тогда сеяли до 30-40 клубочков многоростковой свеклы на погонный метр, и можно было допустить часть их гибели. Я решительно дал команду срочно включить все агрегаты борон во всех бригадах, и за одни сутки про-бороновали свекловичные плантации. Это было в выход-ной день, в воскресенье.

На другой день вызывает меня председатель райис-полкома Манжол Лаврентий Владимирович и с ходу даёт нагоняй, будто бы я уничтожил свеклу, ни с кем не согла-совал и не посоветовался. Теперь судить меня надо, для этого вызвал комиссию из Белгорода. Приехали главный агроном области Иван Иосифович Архипцев и главный агроном сахартреста Брюховецкий Григорий Прокофье-вич, опытейшие пожилые специалисты, но боронование свеклы никто не проводил. Посмотрели, поцокали языка-ми, покачали головами, но вызов делать не стали, отложи-ли на более позднее время. Через несколько дней наша проборонованная свекла взошла, полнота всходов была достаточной для формирования необходимой густоты – сто тысяч растений на гектар, плантации зазеленели и, к осени, получили на уровне лучших в области по 250-300 центнеров с гектара.

Летом приезжал корреспондент журнала «Сахарная свекла» В. Шулёпов, записал наш рассказ «Наперекор сти-хии», а к осени меня представили к награде, я получил орден «Знак Почёта». Не боронованную свеклу в других МТС в большинстве пересевали, что ведёт к сокращению вегетационного периода и к снижению урожая.

В МТС я проработал три года, за этот небольшой срок она преодолела отставание, по итогам всесоюзного сорев-нования получила третью премию министерства сельского хозяйства СССР. Нас тоже поощрили премией в несколько окладов.

Но на взлёте нас подстрелили. Февральско-мартовский пленум ЦК КПСС 1958 года решил реоргани-

зовать машинно-тракторные станции в ремонтно-технические станции – (РТС), технику передать колхозам, специалистов не инженерного профиля устроить в других организациях. Оглядываясь назад, можно судить, что это было не совсем правильное или своевременное решение. Оно было инициировано руководителями лучших колхозов, которым не выгодно было делить власть с МТС, отдавать большую натуроплату государству. Они сами могли обеспечить работу механизаторов и содержание техники. Но большая часть колхозов ещё не была готова к этому, потребовалось каждому хозяйству самостоятельно организовывать всю сложную службу технического обеспечения. Не каждому это было под силу. Поэтому пошло расслоение хозяйств, многих пришлось брать государству на своё содержание в виде совхозов.

Машинотракторные станции не давали развернуться лучшим хозяйствам, потому, что выравнивали условия с отстающими.

Государство за работы МТС брало большую натуроплату. Чем больше натуроплата, тем эффективней считалась экономика МТС. В передовых хозяйствах строго следили за качеством работы МТС, не позволяли учётчикам делать приписки работ, за которые взималась натуроплата. В отстающих - меньше контроль, больше приписки и безразличие за конечный результат, хотя в последние годы обращалось большое значение урожаем, продуктивности животноводства и экономике колхозов, что играло большую роль в оценке работы МТС.

После пленума мы быстро продали технику за бесценок, а сами агрономы, зоотехники, экономисты остались не у дел, ожидая решения своей судьбы сверху. Было странным после такого напряжённого делового ритма сидеть, ничего не делать и получать НЕ заработанную зарплату. Так продолжалось до мая, когда организовали инспекции по сельскому хозяйству в райисполкоме, куда меня перевели на должность главного агронома Прохоровского района.

Главного агронома Призначенской МТС – Петра Маматова – направили в Краснояружский район, а главного агронома Подолешенской МТС – избрали председателем колхоза «Победа».

А как же бытовые условия? Семья?

В Прохоровку со мной переехала мама. Поселились мы у одной доброй старушки в одной комнате с нею. У старушки был старый кот с характерным старческим запахом и линялой шерстью. Мне-то удавалось переночевать, перекусить и бежать на работу, а мама оставалась, ожидая меня, и общаясь всё время с бабушкой. Я считал, что мама уже пожилая, но ей тогда было только 58 лет. Не помню, сколько там прожили, после чего Степан Петрович Сиротенко предложил перейти к ним. У них была свободная комната с окнами на юг, совсем другой комфортности, чем у бабушки. Как-то в МТС приехали главный агроном области Иван Иосифович и инструктор обкома КПСС Михаил Дмитриевич Медведев, я повёл к себе ночевать.

Мне невдомёк было, что таким гостям ночевать в одной комнате с нами, кому ложиться на кровати, а кому на раскладушках, кое-как питаться, было более чем странным, но другого быта я пока не знал и не ощущал конфуза.

Переехав в Прохоровку, я встречался с Катей, которая стала сначала вторым, а позднее и первым секретарём райкома комсомола. Нам уже по 26 лет, достаточно самостоятельные взрослые много пережившие. У неё перед этим умерла мама, оставив отцу пятерых девочек, кроме Кати и брата Алексея. Младшей – Вале – было всего 5 лет, Вере – 14, близнецам Шуре Маше – по 16 и Аня – училась в сельскохозяйственном техникуме.

Пришло время объединяться, создать семью. О торжественной свадьбе никто не помышлял. Договорились, что она переедет к нам после праздников 7 ноября. Собрали вещи в чемодан, погрузили её полутораспальную железную кровать и перевезли в нашу квартиру к Степану Петровичу. Собрались семья Степан Петровича и мы, выпили бутылку вина, вот и вся свадьба.

На другой день я объявил, что женился, все удивились, что так просто, без торжества, а через день уехал на неделю в командировку.

У Кати работа была не менее напряжённая. В то время комсомол был самой активной организацией: мобилизация молодёжи на освоение целинных земель и других ударных всесоюзных строек, посадка лесонасаждений и строительство дорог, соревнование молодёжи во всех сферах производственной жизни, воспитательная работа молодёжи на предприятиях, в школах, добровольные народные дружины и все другие сферы молодёжной политики. Настырная, бескомпромиссная, не знавшая изнеженного детства и юношества, она с головой погрузилась в пучину общественной работы. А тех, кто везёт – погоняют. Она везла.

Не зная благополучной семейной жизни, мы не могли её построить на первых шагах. Оказалось, что Катя заболела, надо было делать операцию в Белгороде в апреле 1956 года, а 29 апреля её отец повёз картошку для продажи в Донбасс и там погиб в автомобильной аварии. Первого мая его хоронили, но Катя об этом не знала, сказал ей через несколько дней после операции, перед выпиской. Остались пять сестрёнок и мачеха, которая вскоре их оставила и ушла. На её плечи легла забота об их судьбе.

Старшая – Аня - закончила Корочанский техникум и осталась в отчем доме за старшую. Трудная учёба в школе, после которой Шура на курсах в Белгороде, Маруся в Запорожье у дяди, Вера в медицинском училище, а Валя – некоторое время в детском доме.

Затем все обзавелись семьями, у каждого своя судьба, в которой должна была принять участие старшая сестра.

Такая напряжённая рабочая и моральная обстановка не могла не отразиться на её здоровье. Врачи, обследовав её, не позволяли иметь ребёнка, но на свой страх и риск у нас в 1959 году родилась Наташа, единственная наша дочь, которая росла слабенькая, без надлежащего воспита-

новительного ухода, который надо было создавать, как мы теперь понимаем.

В 1956 году освободилась однокомнатная квартира в МТС, которую мне отдали, где мы жили более комфортно. При переходе на работу в райсельхозуправление (а Катя работала в райкоме комсомола), нам выделили на первом этаже с мокрыми, покрывающимися грибок стенами сначала двухкомнатную квартиру с подселением, а ещё через два года уже достаточно хорошую двухкомнатную квартиру на втором этаже.

Работая на сравнительно высоких должностях в районе, мы не знали и не пользовались возможностями где-то выписать и приобрести продукты в колхозах, и использовать своё положение для улучшения своих потребностей. Жили строго по декларируемым правилам, не прибегая к двойной морали. После прожитой в молодости нищенской жизни нашей средней зарплаты не только хватало, но кое-что ещё выделялось для всегда нуждающихся девочек.

Когда прекратила существование МТС, и меня перевели в инспекцию по сельскому хозяйству при райисполкоме на должность главного агронома района в возрасте 29 лет, у меня уже был авторитет квалифицированного агронома – практика. Мне льстило высказывание самого авторитетного председателя колхоза имени Сталина Свитченко Романа Викторовича ещё в бытность МТС: «А там, что Асыка скажет, так и будет». Свитченко один из тех талантливых самородков-руководителей, лидеров своим природным умом и талантом способных находить наиболее рациональные решения возникающих задач, организовать и повести за собой массы тружеников. Они быстрее других замечают прогрессивные приёмы технологий то ли в рекомендациях науки, то ли в передовом опыте практики и, сообразуясь со своими возможностями, внедряют их в своё производство. Они были и есть в гуще нашего народа, такие как В. Я. Горин в Белгороде, И. Р. Руденко в Шебекино, Я. Т. Кириллин и А. Д. Нефёдов в Красной гвардии, Н. Т. Верховцев, П. К. Латышев и В. П. Борозенцев в Ракитном и многие другие. В каждом рай-

оне были и есть лидеры, которые своим авторитетом влияли на все стороны производственной и общественной жизни районов. Может быть, не у каждого из них хватало тех качеств, как у В. Я. Горина: обострённого чувства нового, достаточной меры гибкости во взаимоотношениях с вышестоящим руководством, решительного характера при отстаивании интересов своего производства, быть бескорыстным в личном благосостоянии и многих других качеств, человеческих способностей, вознёсших его на вершину героической славы и того признания, которое он заслужил.

Роман Викторович Свитченко работал на знаменитых полях Прохоровского танкового сражения, покрытых металлом танков и орудий, где все сёла были сожжены, колхозники жили в основном в землянках. Ему удалось в кратчайшие сроки отстроить село Прелестное, окультурировать поля, и к середине пятидесятых годов колхоз стал безоговорочным лидером в Прохоровском районе. Одним из первых в области, вслед за колхозом «Красный Октябрь» Белгородского района, перевёл с трудодней на денежную оплату труда, имел самые высокие урожаи, продуктивность животноводства и рентабельность хозяйства. Но при частой смене руководства района не сумел поладить с посредственным первым секретарём райкома партии и по достижении пенсионного возраста оставил колхоз, который после этого быстро растерял лидирующие позиции, а Роман Викторович переехал в Белгород, где стал одним из безвестных персональных пенсионеров, прожил до 2004 года.

В МТС мы чувствовали себя хозяевами положения, по нашему решению менялась производственная ситуация, так как мы руководили техникой и технологией, причём достаточно оперативно. Уже тогда в распоряжении главного агронома была легковая автомашина вездеход, которых в колхозах ещё не было. Меня уже избрали депутатом сельского совета, это было признанием меня как активного общественника.

С переходом в райсельхозинспекцию характер работы изменился на административно - канцелярскую. Кроме агрономического руководства надо было ежемесячно готовить на бюро райкома и на райисполком вопросы по различным видам текущих работ по плану в определённых хозяйствах, готовить проектные решения и выступления. На пленумы райкома и сессии райсовета готовить доклады для руководителей района, многочисленные справки и сведения для района и области. В это время вышло постановление ЦК КПСС и правительства о свободном планировании в колхозах по производственной деятельности, доводились сверху планы государственных закупок сельхозпродукции, а посевные площади и поголовье скота колхозы могли планировать сами. Но фактически складывалось так, что мы им называли цифры, которые они должны планировать, а в районе утверждать. Даже лучшие руководители и специалисты, имея право самостоятельного планирования, просили назвать им параметры сбалансированных показателей посевных площадей и валовых сборов сельхозкультур.

В конце пятидесятых годов экономика ряда колхозов поднялась до того, что можно было переходить с трудодней на денежную оплату. Для примера мне поручили перевести колхоз имени Сталина на денежную оплату. В облсельхозуправлении экономист Ликуров Николай Тимофеевич разработал методику перевода на примере колхоза «Красный Октябрь» Белгородского района. Работа эта была добровольная, никто не принуждал к её внедрению. Председатель колхоза имени Сталина принял такое решение. Это был талантливый сельский самородок, сам малограмотный, но в уме держал всю экономику колхоза, рассчитывал далеко вперёд, был прогрессивным руководителем. У него опробовались и внедрялись передовые достижения науки и передового опыта того времени. Он попросил, чтобы меня направили в колхоз, где мы за три недели подготовили все плановые документы. Дружно и активно работали агроном Коломыцева Анна Максимовна, зоотехник Гаврюшина Нина Стефановна, бухгалтер Куксин

Алексей Михайлович, механик Куксин Василий Антонович, с постоянным участием председателя колхоза.

Эта работа оказалась достаточно удачной, колхоз одним из первых в области перешёл на денежную оплату, быстрее стал развиваться и все последующие годы успешно работал, не прибегая к кредитам банка.

В этот период приходилось уже не непосредственно руководить растениеводством, а через специалистов хозяйств, убеждая их в необходимости внедрения передовых приёмов агротехники.

Так в колхозе имени Ленина председатель Зенин Ким Степанович и, в том же имени Сталина, завезли по две тонны семян эспарцета Песчаный 1251, из Весёло-подольской опытной станции летним посевом. Заложили семенные участки, полученные семена на следующий год распределили по всем колхозам района и за два года освоили возделывание эспарцета в занятых парах в качестве предшественника озимой пшеницы.

Хотя и не за один год, но внедрили квадратное размещение сахарной свеклы, по методу профессора Пилипца Григория Васильевича и белгородских свекловодов, где агрономом работал Сурков Николай Алексеевич.

В эти годы шло интенсивное освоение квадратно-гнездового возделывания кукурузы, поступило достаточное количество новых кукурузных сеялок СКГ-6 с переносными натяжными колами, для работы с которыми нужно было мастерство, мы и этому обучали. Широко внедрялась отдельная уборка зерновых, поступали рядовые жатки и подборщики, что вносило новизну и необычность в традиционные технологии возделывания культур.

Работая в МТС и в сельхозинспекции, общаясь с руководителями районов, замечен был стиль работы каждого. От первого секретаря райкома КПСС, как хозяина района, зависело почти всё состояние района. В первой половине пятидесятых годов первым секретарём был Подкатилов Всеволод Иванович, молодой, высокорослый, строптивый красавец. Талантливый организатор, волевой руководитель, блестящий оратор – выступал, как пра-

вило без конспектов, зажигал и воодушевлял на выполнение очередных задач, умел подбирать кадры по деловым качествам. Но ко всем этим достоинствам был излишне самоуверенным, прямота граничила с грубостью, не терпел возражений, злоупотреблял властью в материальном и моральном отношениях. Когда эти негативы перешли границу терпения, его освободили и послали в высшую партийную школу в Москву. После окончания его направили первым секретарём в Волоконовский район, а оттуда через несколько лет – секретарём обкома КПСС, где он долго не удержался, несмотря на очевидные качества руководителя, верх взяли привычки стяжательства и грубости.

Его сменил Константин Прокофьевич Загребайлов, человек интеллигентного характера, принципиального правдолюбца, не сумевшего угождать вышестоящим областным инстанциям, за что был вскоре освобождён, хотя партийная организация не хотела его отпускать.

После него район возглавил Гончаров Пётр Никитович, средних возможностей руководитель, старался и много работал. Это с ним произошёл у меня острый разговор о том, что у него семья, дети, которых надо учить, надо держаться за свою должность, а я ему, что мы учились без поддержки властного папеньки, самостоятельно. Но к его достоинству он это принял без обиды и мне, кажется, стал больше меня уважать. Наверное, он представил меня к ордену «Знак Почёта».

После него прислали Юрина Валентина Ивановича, который долго не задержался и его отозвали руководить областным управлением хлебопродуктов. При нём я оставил район и поступил в аспирантуру.

Насмотревшись самовластия первых лиц района, рождавшейся в те же годы двойной морали, часто несправедливым обращением к рядовым партийцам, у меня сформировалось отрицательное отношение к членству в партии. Хотя в то время и в последующем, в областном комитете КПСС предлагали поступить в её члены, предлагая новые руководящие должности, но я предпочёл свободу распоряжаться своей судьбой.

Заметна была и моя активная общественная работа, дважды избирался депутатом районного Совета депутатов, в обществе «Знание» возглавлял сельскохозяйственную пропаганду. Пришлось делать доклад на Совете областной организации, где его одобрили и приняли решение распространить опыт работы на область.

Как-то Ким Степанович Зенин, работая редактором газеты «Коммунист», организовал конференцию по плодородию чернозёмов с моим докладом. После моего выступления он охарактеризовал его достойным кандидатской степени, отдал для публикации в областную печать, где он и затерялся. Был внештатным корреспондентом газеты, так как выступая в ней с проблемными статьями по земледелию. Район уже стал выходить из отстающих в середняки, мы уже приработались в сельхозинспекции, но грянула новая перестройка в сельском хозяйстве. В районах были упразднены сельскохозяйственные органы, организовались межрайонные управления сельского хозяйства, межрайонные парткомы КПСС, а в районах создавались опорно-показательные хозяйства, куда нас перевели. Мы осуществляли районные функции координаторов. Так мы оказались в совхозе «Октябрьский». Здесь у меня появились мысли: а куда же дальше идти, организацию и производство сельскохозяйственной продукции уже освоил дальше было как бы не интересно. Приглашал меня начальник Корочанского территориального управления Щербаков Фёдор Кузьмич на должность главного агронома четырёх районов, но я решил пойти в аспирантуру, куда меня приглашали ещё десять лет назад.

В это время несколько моих товарищей были уже кандидатами наук. Владимир Сергеевич Цыбулько – деканом Агрономического факультета, Захаров Анатолий Иванович – заведующий кафедры экономики сельского хозяйства, Иван Иванович Малыгин – заведующий кафедры земледелия Ворошиловградского сельхозинститута, Иван Демьянович Прохожай – селекционером Донецкой опытной станции, то есть из нашего курса уже дюжина

была кандидатов наук и готовили докторские диссертации или становились авторами новых сортов.

Когда я поступал в МТС, писал заявление о приёме на работу, в комнату зашёл бывший главный инженер, который рассчитался за полгода до этого и был переведён в Корочанский район, и говорит: «Зря ты сюда поступаешь». А в чём дело, что тут не так? «А, поработаешь – узнаешь». Он был очень способный, по молодости добросовестный и работающий, по отношению к работе превосходил директора, его высоко ценил первый секретарь райкома В.И. Подкатилов. Прошёл слух, что его поставят директором. Но директор МТС Сень П.Т. имел удивительную способность поставить дело так, что нашёл компрометирующие материалы на инженера, и его перевели в другой район, где он долго не задержался. Когда Подкатилова избрали первым секретарём в Волоконовке, он добился назначения этого инженера директором Волоконовского сахзавода, а когда Подкатилов стал секретарём обкома, на его место назначили директора сахзавода. Итог – Подкатилова освободили от должности секретаря обкома, его ставленника – судили за злоупотребления и взятки.

Директор Сень П.Т. был талантливый дознаватель. Он всегда знал где и что делают специалисты МТС, если кто-то отклонился от прямой работы, задержался на обеде или выпил у бригадира, он же знал и при случае использовал эти факты. Как-то работу МТС проверяли ревизоры облсельхозуправления и выявили негативные факты, грозящие директору крупными неприятностями. Но он организовал дело так, что выговор получил ревизор за недостойное поведение во время ревизии, а директор «вышел сухим из воды», без наказания.

Из этих и других фактов у меня сложилось впечатление, что нельзя стоять у таких руководителей на пути. Перспективных специалистов – потенциальных «смертников» - они мастерски устраняют.

По сентябрьскому пленуму ЦК КПСС в село направлялось тридцать тысяч специалистов из городов. В Призначенскую МТС прислали директора и главного инженера, в

Прохоровскую – главного инженера и заведующего мастерскими. Все они были железнодорожниками из Харькова и о сельском хозяйстве имели смутное представление. Но добрым словом хочется вспомнить главного инженера Прохоровской МТС – Баткина Романа Ефимовича. Он рассказывал со смехом, как он принимал технику зимой 1954 года. Стоит культиватор КУТС-4.2, из-под снега торчит два рычага и два сидения одного культиватора, а ему их сдавали за два культиватора.

Я сам был свидетелем, когда он подъезжал к неисправному агрегату в поле, спрашивал у тракториста: «Чего стоишь, что тут у тебя не ладится?» Когда тракторист говорил причину, Роман Ефимович спрашивал: «Ну и что тут надо делать?» После того, как тракторист изложит свою версию, он начинал кричать: «Так чего же ты стоишь? Это же надо так делать!» И постепенно приспосабливался к обстановке. Еврей по национальности, у него была способность быстро «доставать» необходимые запчасти на заводах Харькова и других, завозить не только для своей МТС, но и для соседей, делиться с другими, что было необходимым условием успешной работы.

Роман Ефимович был громоотводом при директорских разносах на планёрках и совещаниях. Пётр Тарасович сразу усвоил, что меня нельзя ругать и весь свой гнев, и грозу вымещал на главном инженере не только за его недоработки, а, чтобы и другим было видно, какой он грозный и требовательный, хотя в большинстве это было не по существу, а по форме.

Роман Ефимович безропотно сносил оскорбления, а директор всё больше распалялся. На мой вопрос Роману Ефимовичу почему он терпит, тот отвечал: «А что ему ещё говорить, если по-другому он не может?»

Я, вероятно, быстро прибрал к рукам организационное руководство работой тракторных бригад, в планировании, технологии и текущие вопросы. Директор почти не вмешивался, у него было общее руководство, финансы и транспорт. В МТС был солидный парк автомашин и использовался он на зарабатывании денег. В осенний и ве-

сенний периоды селяне возили картошку в Донбасс. Директор ловко использовал оплату за транспорт и «отстёгивал» себе какую-то сумму. Когда его направили на шестимесячные курсы, а я исполнял обязанности директора, мне тоже вначале предлагали такое вознаграждение за представленные машины, но после моего категорического отказа, больше не предлагали.

В период исполнения обязанностей директора пришлось побывать с отчётом на бюро обкома КПСС. По плану район готовили слушать о ходе проведения осеннего сева, а мы, ко времени заседания бюро, сев завершили и у комиссии не было к нам претензий. Бюро вёл М.К. Крахмалёв. Он очень добродушно попросил директоров доложить о вспашке зяби. Я первый рассказал о благополучном положении и выполнении графика. Очередь дошла до директора совхоза – Морозова, который посетовал на недостаток кадров механизаторов для двухсменной работы.

Присутствовавший на бюро секретарь обкома Коротаяев, заместитель председателя исполкома Коваленко А.В. выступили очень жёстко с разносом директора и руководства района. Но М.К. Крахмалёв в заключении спокойно, как бы благожелательно, поковырял в носу и сказал: «А что тут долго говорить? Если т. Морозов не вспашет зябь в сроки – исключить из партии и отдать под суд». После таких слов у меня, как говорят, мороз по коже пошёл.

В сельском хозяйстве часто посылали в колхозы уполномоченных на ответственные периоды работ, что иногда оживляло деятельность и выполнение поставленных задач, но и приносило некоторые отрицательные явления, помехи в руководстве и т. д.

В самих колхозах практиковалось закрепление руководящих кадров за отдельными бригадами или укрупнёнными механизированными отрядами на уборке зерновых, свеклы, кукурузы, вспашке зяби и т.д.

Ещё в МТС, а затем в районе я наблюдал: если закрепят главного агронома за комплексным механизированным отрядом, то он упускает многие другие текущие и

перспективные стороны специальной работы. Поэтому я добивался, чтобы специалисты работали главным образом на перспективу, не упускали свои профессиональные обязанности. Те задачи, которые должен решать агроном, больше никто решать не будет. Начиная с МТС, а дальше в районе и потом уже на опытной станции, убеждался и доказывал другим, что агроном – решающая фигура в сельском хозяйстве. В его распоряжении земля – основное средство производства. Если он допускает ошибки, недосмотры, то все другие отрасли сельскохозяйственного производства будут страдать. Об этом можно прочитать в статье «Земля – мать урожая, агроном – его отец».

Путь в науку

В период правления Хрущёва в конце пятидесятых и в начале шестидесятых годов страну лихорадили перестройки, разделение городских и сельских властей, упразднение машинно-тракторных станций, упразднение районных земельных отделов и создание межрайонных парткомов и управлений сельского хозяйства. Они как влияли на состояние народного хозяйства? Больше в отрицательном плане. Ломали судьбы многих тружеников, особенно специалистов сельского хозяйства. Это прямо коснулось и меня. Когда в 1961 году в Прохоровке, как и в других районах, ликвидировали инспекцию по сельскому хозяйству при райисполкоме, меня направили агрономом в совхоз «Октябрьский», которому дали функции опорно-показательного хозяйства, где должны были в первую очередь внедряться прогрессивные достижения науки и передовой опыт. Но практически от такого нововведения было мало пользы. Хотя меня приглашали на должность главного агронома в Шебекинское и Корочанское территориальные управления сельского хозяйства, я не пошёл и подал заявление в аспирантуру Харьковского сельхозинститута. На такое решение повлияло то, что за 10 лет работы в разных сельскохозяйственных организациях я приобрёл практический богатый опыт и ничего нового не ожидал, а перестройки уже надоели. Территори-

альные управления, оторванные от районных властей, никакой перспективы не представляли.

Поскольку меня приглашали остаться в аспирантуре сразу после окончания института, я решил воспользоваться этим, пусть и через 10 лет. Теперь уже возникло желание вникнуть глубже в науку, механизм биологических и физиологических процессов в формировании урожаев разных культур, познать законы земледелия и процессы рождения научных рекомендаций в растениеводстве.

Приехал я в январе. Владимир Сергеевич Цыбулько, с которым мы вместе кончали институт, уже был деканом агрономического факультета, представил меня академику Кулешову Н.Н. и сказал, что этот молодой человек хочет поступить в аспирантуру. В пятиминутной беседе Николай Николаевич поинтересовался моей работой, спросил, чем бы я хотел заниматься и посоветовал: готовьтесь и подавайте документы. Через несколько месяцев я приехал с документами и у входа в главный корпус на ул. Артёма 44 в числе группы поднимаюсь по ступенькам. В это время открывается дверь и выходит Николай Николаевич. Мы посторонились. Он беглым взглядом окинул группу стоящих людей, остановил взгляд на мне, подошёл приветливо улыбаясь, подаёт руку и произносит: «Здравствуйте, Николай Романович. Вы, кажется, хотели к нам поступать, не передумали? Заходите!»

Я был ошеломлён его памятью и вниманием. После района, где я дослужился от рядового агронома до главного, где на почтительное «Здравствуйте» от начальства получаешь небрежно-снисходительное внимание кивком головы и быстрый взгляд в сторону, это было настолько неожиданно, что запомнилось на всю жизнь.

Николай Николаевич был настоящим интеллигентом высочайшей культуры. Всегда одетый в меру элегантно, он излучал доверие и благожелательность, ни капли высокомерия и небрежного отношения к людям. Особенно заметно было его одинаково ровное отношение ко всем, независимо от служебного положения. Он говорил, что к людям простых массовых профессий надо быть более

внимательным и тактичным, чем к высокопоставленным. Они ведь не могут ответить грубостью на Вашу бестактность, этим людям свойственно более уважительное отношение, поэтому им надо отвечать взаимностью, не портить настроение, давать хоть маленькую радость от общения с Вами. Когда в Харькове организовали телевизионный университет этики и культуры, право его открытия заслуженно предоставили Николаю Николаевичу.

Аспирантская комната кафедры растениеводства одновременно была и приёмной академика, где всегда были многочисленные посетители к нему за консультациями. У него никогда не было свободного времени. Всегда был в окружении преподавателей и аспирантов, к нему со всех концов страны приезжали за консультациями при подготовке докторских диссертаций. Несмотря на полную доступность, так как к нему можно было заходить в любое время, если он один в кабинете, мы, аспиранты, часто не могли к нему попасть по несколько недель, чтобы в чём-то посоветоваться или решить текущие вопросы, потому, что предпочтение давалось приехавшим из далека или из других учреждений.

На кафедре растениеводства в те годы царила атмосфера дружбы и взаимного уважения, несмотря на разнохарактерный её состав. Заместителем заведующего кафедрой был профессор Г.В. Пилипец, человек сугубо практического и делового направления, глубоко и основательно знающий мельчайшие конкретные особенности современного растениеводства и прямо влияющий на него. Он был некоторой противоположностью Николаю Николаевичу, который был сторонником широких энциклопедических знаний, глубокого изучения биологических и экологических особенностей сельскохозяйственных культур, умения видеть и знать общие закономерности развития растений и на основе этого решать частные задачи на производстве.

Он говорил, что мы не можем давать студентам готовые ответы на все случаи жизни, это невозможно. Мы должны так подготовить студента, чтобы у него, как специалиста, не было неожиданностей при любых условиях, и

он сам мог творчески решить, как поступать в конкретном случае. Мы готовим агрономов не только для Харьковской области, им надо давать такие знания, чтобы не растерялись и в условиях Нечерноземья, Полесья, Средней Азии и даже Африки.

В те годы на кафедре работали доценты Г.Ф. Наумов, Г.В. Коренев, А.Ф. Якименко, В.С. Цыбулько, преподаватели М.С. Апрелева, В.И. Григорьев, научные сотрудники и аспиранты Л.А. Марченко, М.А. Бобро, В.К. Чуйко, А.Т. Гуленко, В.М. Костромитин, Е.П. Шпорт, П.Я. Середа, Д.И. Фурсов, А.К. Фурсова, Н.К. Ижик, А.В. Дружченко, А.Г. Шевченко, Н.П. Васильев, Н.П. Шикова, Э. Эмантраут. Все они получили творческий и интеллектуальный заряд на кафедре, многие впоследствии стали докторами наук, профессорами, руководителями институтов, кафедр и научных коллективов.

Теплоту атмосферы в коллективе создавали лаборанты кафедры, многие годы проработавшие с Николаем Николаевичем. Это Наталья Алексеевна Малыгина, Алла Дмитриевна Майборода, Антонина Петровна Никитина. В дни совещаний на кафедре или каких-нибудь событий в кабинете Николая Николаевича подавали чай, а на праздники или в юбилейные дни рождения допускались лёгкие вина. Правда мы, аспиранты, иногда ухитрялись использовать хлорофилльную вытяжку. Старшие товарищи как бы не замечали наши проказы. Чаепитие было для всех настоящим праздником. Здесь, кроме научных проблем, которые занимали основное время, для разрядки рассказывались интересные истории, забавные случаи и просто светские анекдоты. Душой этих заседаний всегда был Николай Николаевич, у которого был богатейший запас рассказов и юмора. Здесь он делился впечатлениями от своих многочисленных поездок по стране и за рубежом, о встречах с интересными людьми. С огорчением высказывал иногда осторожно мысли о неправильном направлении развития биологической науки. Возглавляемой Лысенко, очень много воспоминаний о Н.Н. Вавилове и его

соратниках, с которыми Николай Николаевич работал в ВИРе.

Академик Кулешов Н.Н. как педагог и лектор заметно отличался от многих учёных тем, что он никогда не использовал в своих лекциях один и тот же, давно заготовленный, материал. К каждой лекции он готовился заново, хотя курс растениеводства он читал более 40 лет, перед каждым выходом к студентам или специалистам он заметно переживал и волновался. Лекции он читал вдохновенно, вкладывал в неё весь новейший материал, последние достижения науки, свой богатейший опыт. Всегда ссылался на опыты своих учеников, обязательно называл при этом их имена и отчества.

Когда он рассказывал о географии и происхождения сельскохозяйственных культур, то вместе с ним как бы совершал путешествие, что было не менее интересно, чем смотреть передачи клуба кинопутешественников.

Особой популярностью, как лектор, он пользовался среди агрономов, практических работников, имеющих опыт, так как всегда давал новый, неожиданный, интересно излагаемый материал, с обоснованием его для практического внедрения. Но не всегда он был доволен собой после чтения лекций студентам. К четвёртому курсу, когда читается растениеводство, студенты привыкают воспринимать больше то, что им необходимо для сдачи экзаменов, а Николай Николаевич подавал материал гораздо шире, чем в учебниках. Он говорил: «То, что в учебниках вы прочитаете и без меня, а то, что я даю на лекциях - вы нигде не прочитаете». Правда, за ним не всегда можно было законспектировать, потому, что он всегда говорил так увлекательно и интересно, что через пять минут после начала лекции забываешь, что надо записывать. Через его руки, а лучше сказать через его мозг и душу прошли многие десятки аспирантов. Под его официальным научным руководством защитили кандидатские диссертации более 70 человек, многие из них стали докторами наук. Не меньше было тех, кому он давал свои идеи научных ис-

следований, консультаций по их реализации, написанию самих диссертаций.

Разносторонний круг его научных интересов охватывает многие культуры. По озимой и яровой пшенице, многолетним и однолетним травам, зернобобовым, просу и сорго, растениеводству и семеноведению он оставил глубокое оригинальное наследие. Однако он часто повторял, что единственная культура, которой он не изменял всю жизнь – это кукуруза. По кукурузе у него была первая научная статья в 1913 году, по кукурузе он защитил дипломную работу, по ней больше всего было у него аспирантов. Воспитанниками Н.Н. Кулешова были известные учёные, лауреаты Ленинской премии – академики Б.П. Соколов, М.И. Хаджинов, А.Е. Коварский и много других. Виднейшие учёные страны считали его патриотом научного растениеводства.

Энциклопедические знания академику Кулешову Н.Н. давались благодаря исключительной способности быстро и избирательно работать с отечественной и зарубежной литературой. Он не читал подряд весь текст. При взгляде на страницу он как бы фотографировал, схватывал общий смысл написанного, не читая по строчкам. Когда какие-то мысли привлекали его внимание и требовали изучения, тогда останавливался на них. Он говорил, что с книгой надо знакомиться сначала с оглавления, затем посмотреть рисунки и фотографии, таблицы, выводы и уже после этого читать и изучать то, что необходимо, так как всего прочесть невозможно. Часто познакомившись с оглавлением, таблицами, всю книгу или статью читать не требуется, потому, что там не будет того, что вам нужно.

В личности Н.Н. Кулешова органично сочетались энциклопедические знания и юношеская любознательность, творческий гений и самозабвенный труд, принципиальность учёного и обаяние в общении с людьми, вершина научной элиты и скромность среди рядовых тружеников. Мне выпало большое счастье общения с ним в конце его жизненного пути и может быть кое-что перенять, хоть в малой доле следовать его жизненным принципам.

Для аспирантской работы Николай Николаевич определил мне зернобобовую культуру – чину, посевную, мало известную в производстве. С чиной я познакомился на Прохоровском сортоучастке, где мы испытывали её в сравнении с горохом, нутом и чечевицей. Но глубоких познаний не было. За три аспирантских года изучил нормы высева сроки посева, продуктивность её в смешанных посевах с разным соотношением семян компонентов, урожай в зависимости от крупности высеваемых семян. Очень интересно было изучать на мелких делянках при ручном посеве через каждые 10 дней, начиная от ранней весны и до конца лета.

В аспирантуре мне было легко работать, так как я хорошо изучил методику сортоиспытания, которая является наиболее разработанной для опытного дела, в чём помогал своим товарищам аспирантам при закладке опытов. Поскольку чина была культурой мало известной, мне пришлось для её изучения побывать в местах, где она возделывалась. В Днепропетровском институте кукурузы у профессора Чернобривенко С.И., на Краснодарской опытной станции у директора Борозенца А.Ф., у Героя Социалистического труда, председателя колхоза имени Кирова Золочевского района. В этом колхозе полностью отказались от посева гороха, а вместо него сеяли чину.

За три года я своевременно подготовил кандидатскую диссертацию, Н.Н. Кулешов её быстро прочитал без существенных замечаний, допустил к защите и порекомендовал подготовить монографию.

По результатам были сделаны выводы, что чина имеет очевидные преимущества перед горохом: по урожаю на 2-5 центнеров с гектара, по содержанию белка в семенах на 2-3%, не повреждается брuxусом и не требует инсектицидных обработок, солома чины по кормовым достоинствам приравнивается к луговому селу.

По окончании аспирантуры Николай Николаевич предлагал мне остаться на кафедре, но я не согласился, чем вызвал его недовольство. Меня привлекала Белгород-

ская опытная станция, которая набирала авторитет в области, здесь мы часто были на семинарах.

На опытной станции

Ещё работая в районе, я приобрёл опыт взаимодействия с райкомом КПСС и райисполкомом по внедрению рекомендаций в колхозы, подготовки для заслушивания на бюро райкома и заседаниях райисполкома текущих и перспективных приёмов агротехники, на которых удавалось легче приземлять свои планы и рекомендации.

В МТС зональным секретарём райкома КПСС работал Бурдюгов Степан Алексеевич, очень принципиальный, настоящий коммунист. У нас с ним образовался удачный тандем: у меня в распоряжении легковой автомобиль и он со мной по колхозам, где я решаю свои технологические и организационные вопросы, а он эффективно влиял на руководителей хозяйств, что помогало быстрейшему осуществлению мероприятий.

Этот опыт пригодился при работе на опытной станции и в дальнейшем, в институте. Только тут была более громоздкая административно-чиновничья машина. Чтобы решить какой-нибудь вопрос на высшем уровне, предварительно надо пройти все ступени партийно-советской власти. Сначала согласовать и убедить в агроотделе облсельхозуправления с главным агрономом, затем с заместителями начальника по отраслям, в некоторых случаях с заместителем председателя облисполкома по сельскому хозяйству, затем в сельхозотделе обкома КПСС с инструктором, заместителем заведующего и заведующим отделом, с секретарём обкома по сельскому хозяйству и только потом к первому секретарю для окончательного решения. Если перепрыгнешь через какую-нибудь ступень, бумага вернётся к нему для исполнения или согласования, тогда жди неприятности. Но мне удавалось согласованно работать со всеми, чем больше набирался стаж работы, тем легче было согласовывать и убеждать в своей правоте и необходимости предлагаемых предложений. Кроме того, за 30 - 35 лет сменилось по 4 - 6 ротаций специалистов и

должностей, необходимо было добиваться преемственности в принятии решений и выполнении уже принятых. По памяти можно отметить с кем пришлось работать в контакте и взаимопонимании.

Кроме первых, хорошо известных руководителей области, работали поочерёдно:

секретари обкома по сельскому хозяйству – Хитров М.Д., Трунов М.П., Щербаков Е.М., Шенцев А.Г., Сурков Н.А., Кадин А.Г., Гнилицкий А.Т.;

заведующие сельхозотделом обкома – Калиничева Е.И., Окороков В.А., Селин А.С., Богомоллов А.П., Прохоров В.Ф.;

заместители заведующего с-х. отделом обкома – Решетняк В.С., Соколов Б.П., Дятлов Б.А., Лазарев В.Я., Свитко В.А., Чурносоев И.Н., Гороков В.И.;

инструкторы с-х. отдела – Клевцов В.Д., Горякин В.Х., Медведев М.Д., Крестинина Н.Е., Сурков Н.А., Касторных П.И., Акулов П.Г., Чурносоев И.Н., Шмигирилов И.В., Ядыкин А.И., Рогачёв Н.А., Седякин Б.М., Татанов Ю. И.;

заместители председателя облисполкома по с-х. – Гармашов Н.В., Пономарёв А.Ф., Сурков Н.А., Булыгин В.В., Иваненко В.И., Ржевский В.Г.;

начальники облсельхозуправления – Набережных А.П., Пономарёв А.Ф., Балакин К.А., Кондратьев В.В., Иваненко В.И., Анисимов А.И., Алейник С.Н.;

заместители начальника – Набережных А.П., Кулешов А.Ф., Щербаков Ф.К., Лашин В.Я., Лазарев В.Я., Ржевский В.Т., Воробьёв Г.Я., Сурков А.В., Кузнецов Ю.А.;

главные агрономы – Зуйченко А.Д., Воробьёв Г.Я., Ржевский В.Т., Плехотин А.М., Козьменко А.И., Бычков Н.С., Дручинин П.М.

Может быть я не всех вспомнил, или поставил не на ту иерархическую ступень, но ещё не мало сопутствующих управлений, трестов, контор, со специалистами которых надо было держать связь и координацию. Это удавалось, хотя тратилось много сил и времени, но в итоге давало положительный результат – область из середнячков в Черноземье постепенно поднималась, уверенно опережала, и

выходила в лидеры. Абсолютное большинство наших предложений принимались в виде постановлений, рекомендаций, использовались в докладах на конференциях, пленумах, семинарах и совещаниях, издавались рекомендации, брошюры, мероприятия по внедрению, а в последние годы концентрировались в научно-обоснованную систему земледелия.

Надо признать, что не все предложения всегда принимались с одобрением руководства.

Для примера можно привести такой факт. В начале восьмидесятых годов под влиянием специалистов-учёных, прибывших из Харькова работать в наш институт, инициировалось расширение посевов зерновой кукурузы до 100 тысяч гектаров. Идея сама по себе похвальна и теоретически обоснована. Но практика прошлых лет показывала, что в области планировалось сеять её по 70-80 тысяч гектаров, а убирали фактически 10-30 тысяч, остальные убирались на силос, отчего недобиралось много зерна. Это происходило от неготовности материально-технической базы по уборке, сушке и использованию кукурузных початков. Поэтому я подготовил письмо первому секретарю обкома КПСС с предостережением против такого расширения и с предложением пока не сеять более 40-60 тысяч гектаров. Согласовал, вернее познакомил специалистов облсельхозуправления, сельхозотдел обкома КПСС, они видели реальность и актуальность постановки вопроса, но ухмылялись, мол «ну – ну, попробуй». Понёс письмо секретарю обкома Кадину А.Г., он внимательно прочитал, улыбнулся и говорит: «В принципе я согласен, но идите к Алексею Филипповичу сами, он письмо не примет». Действительно, Алексей Филиппович прочитал и суровым тоном сказал: «Мы изучили это предложение и дадим ответ». Но ответ много раз звучал на крупных семинарах в течение двух лет, что, если у учёных института колени дрожат, то обойдёмся без них, хотя никаких негативных выводов не последовало.

Так было с изготовлением приспособлений к тракторным плугам для выравнивания вспашки. Громоздкие,

многозатратные изделия были изготовлены, но применения не нашли. А я возражал против них на том основании, что качество вспашки надо добиваться не таким путём, а хорошо готовить поле перед вспашкой качеством уборки предшественника и своевременным лущением стерни или рыхления после уборки пропашных.

Кроме руководителей и специалистов областного масштаба, постоянная связь была с районами, с первыми секретарями райкомов партии, начальниками районных управлений сельского хозяйства и другими. Я замечал: когда успешно выступишь на областном совещании или семинаре, да ещё одобрит руководитель области, то районное звено считает своим долгом пригласить к себе на совещание, семинар и занятие. А выступать приходилось почти ежегодно перед весной об особенностях весны и проведению весеннее - полевых работ, перед уходом за посевами и уборки кормов, перед уборкой урожая, севом озимых и подготовкой зяби. И это на протяжении 30-35 лет, и сегодня вспоминаются эти лица по 4-6 ротаций в каждом районе, с которыми были деловые контакты, а с некоторыми и постоянная консультационная работа. Для примера можно привести Чернянский район, когда первым секретарём райкома работал Коржов Иван Николаевич – выходец из Прохоровского района, где он был председателем колхоза имени Ленина, а председателем райисполкома был Гетманский Василий Захарович – впоследствии сменивший Коржова И.Н. на посту первого секретаря райкома. В 1973 году Чернянский район на много отстал от предпоследнего района. Если у предпоследнего района урожай зерновых был 20, а дальше разрыв шёл по полцентнера, то чернянцы получали 17 центнеров. По сахарной свекле у предпоследнего был 100 центнеров с интервалами у вышестоящих по 5-10 ц/ га, то чернянцы получили – 70 центнеров.

Такой провальный район получил Коржов. Он пригласил меня с просьбой разработать мероприятия по подъёму земледелия и помочь их внедрить. Так, в течение 3-4 лет, он постоянно приглашал на разные периоды работ, на за-

нятия и семинары с лекциями и консультациями, пока район не только преодолел отставание, но и стал занимать места в первой пятёрке.

Помнится, как в один из летних дней мне предложили посмотреть подземный монастырь вблизи села Холки. С главным ветеринарным врачом Семко Б.К. обзавелись свечами, пролезли через дыру диаметром чуть больше полуметра так, что можно было только проползти, и оказались в этом чудесном подземелье с хорошо сохранившимися, чистыми, незахламлёнными ходами и кельями, подземной церковью.

Такие же контакты с Чернянским районом сохранились и при Гетманском В.З. Он внимательно и благодарно воспринимал моё объяснение значения своевременного лущения стерни непосредственно на поле, когда сразу после уборки комбайном оно было сравнительно чистое, мягкое, влажное, а там, где было убрано три недели назад – поле покрылось массой созревших сорняков, поднявшихся на 20-40 сантиметров над стернёй, верхний слой почвы пересох, потрескался и затвердел.

Проезжаешь сейчас по Старооскольскому району и не удивляешься, что промышленные гиганты Оскольского электрометаллургического комбината, Стойленского ГОКа и других крупных заводов, межуются с плодородными полями, окаймлёнными берёзовыми, сосновыми и другими кустарниково-лиственными лесными массивами и лесополосами. А сорок лет назад, в конце шестидесятых годов, земли района представлялись с преобладанием песчаных земель, оголённых, подверженных ветровой эрозии.

Тогда первый секретарь райкома партии Богомолов Александр Павлович не стал мириться с постоянным отставанием района и чертами «опустынивания» пашни. Он обратился к нам на опытную станцию за помощью мелиорировать природу района, разработать мероприятия для улучшения песчаных земель. Мы привлекли из Харьковского института мелиорации известного специалиста Дрюченко Михаила Михайловича, а через него – ведущего учёного по мелиорации песчаных земель из Москвы –

Иванова Анатолия Николаевича. Они с экспедицией пробыли неделю в районе, помогли разработать рекомендации, встречались с руководителями и специалистами, помогли обрести уверенность в реальности преобразования земель.

Особенно активную позицию заняли: начальник райсельхозуправления – Бородулин Григорий Васильевич, начальник лесничества – Морозов, молодые председатели колхозов «Ленинский путь» – Николай Иванович Чубыкин, имени Ленина – Коротких Пётр Дмитриевич, главный агроном – Фёдор Иванович Колесников и другие, при постоянном энтузиазме Богомолова А.П.

В Центрально-чернозёмной зоне не было научного учреждения по работе с песчаными землями, мы предложили создать государственный сортоиспытательный участок в колхозе имени Ленина. Деятельное участие принял начальник областной инспектуры по сортоиспытанию – Кабелко Георгий Нестерович, а заведующим пригласили молодого инициативного агронома из Валуйского сортоучастка – Чурносова Ивана Николаевича.

При активном участии председателя колхоза Коротких П.Д. и начальника производственного участка Бесхмельница Ивана в короткие сроки было организовано подбор и испытание сортов, а также проведение опытов на песчаных землях с удобрениями и обработкой почвы. К сожалению, к началу перестройки сортоучасток был упразднён, так как в Москве посчитали его бесперспективным.

Для испытаний и подбора культур одновременно нами проводились полевые опыты в совхозе «Перовский» на песчаных землях, где возделывали разные сорта люпина в сравнении с однолетними и многолетними травами. Однако люпин в условиях Старого Оскола оказался неустойчивым к недостатку влаги и высоким температурам, которые не редко сочетаются в нашей зоне.

Помнится, как в те годы А.П. Богомолов говорил, что Старый Оскол из маленького, полуразрушенного городка с десятью тысячами населения, через несколько лет превра-

тится в четырёхсоттысячный город промышленного типа, а начальник райсельхозуправления Г.В. Бородулин показывал мне мемориальный камень с надписью, что здесь будет база стройиндустрии ОЭМК. Теперь эта сказка стала былью, а тех руководителей, которые закладывали эти камни и фундамент, а также облагораживали природу, многих уже нет в живых. Хотелось, чтобы память о них осталась навечно в памяти горожан и селян.

Контакты с руководителями районов и специалистами завязывались по-разному. В качестве примера модно вспомнить отношения с первым секретарём Алексеевского района, самого крупного в области – Ениным. Леонид Васильевич самых авторитетных, волевых, и влиятельных руководителей. Как-то в засушливом году плохо развивались почти все культуры, мало заготовили кормов из трав и кукурузы. Он звонит первому секретарю обкома партии, что подсолнечник в районе растёт плохо, получения урожая семян удовлетворительного не получится, поэтому решаем убрать его на силос. Это грозило остаться без подсолнечника и в других районах, которые могли так – же убрать его на силос по примеру алексеевцев. М. П. Трунов посылает меня и старшего агронома облсельхозуправления проверить на месте и доложить.

Когда мы пришли в приёмную Л. В. Енина, ему доложили, но у первого секретаря всегда много неотложных дел, и мы просидели в приёмной около часа. Когда зашли в его кабинет, он начал нам объяснять ситуацию и сделал вывод, что подсолнечник надо срочно убрать.

После внимательного осмотра полей мы не согласились с его мнением на том основании, что подсолнечник культура засухоустойчивая, она может какое-то время мириться с недостатком влаги. Своей стержневой корневой системой он хорошо использует глубинные запасы влаги и может дать удовлетворительный урожай, поэтому убирать его нецелесообразно, о чем и доложили М. П. Трунову. Он дал соответствующее внушение Леониду Васильевичу.

После этого случая мне не приходилось больше ожидать в приёмной, Леонид Васильевич всегда радушно встречал и находил время вместе ездить по колхозам, заинтересованно обсуждать складывающиеся ситуации в земледелии. Меня поражала его способность знать в деталях состояние полей, их размеры, называть предшественники, какие вносились удобрения, когда проводились основные работы и правильно ориентироваться в потенциальном и эффективном плодородии полей. Мне приятно было обедать в его маленькой столовой при райкоме партии, где всегда было уютно и гостеприимно.

Большой интерес к науке проявляли секретарь Вейделевского райкома партии Селезнёв Александр Романович и председатель райисполкома Ряполов Дмитрий Иванович, которые всегда приглашали с конкретными просьбами по структуре посевных площадей и севооборотам, особенностям возделывания сельхозкультур в условиях юго-востока области. Они одними из первых в юго-восточной зоне широко применили наши рекомендации по обработке почвы под озимые. Базовым хозяйством был колхоз имени Фрунзе, где председателем был Козловцев Леонид Петрович.

Агрономы управления сельского хозяйства Лебединский Николай Семёнович, Коротков Леонид Петрович с инициативным энтузиазмом воспринимали советы по агротехнике и внедряли их в производство.

Постоянная связь была с Ракитянским районом, где секретарь райкома партии Криушин Василий Павлович всегда доброжелательно повторял, что если Н. Р. Асыка у нас выступит три раза за год, то они обязательно займут первое место, а первое место они занимали в те годы регулярно. С большим интересом воспринимали советы такие знатные руководители, как Верховцов Николай Григорьевич, Латышев Павел Кузьмич, а ещё в 1965 году довелось ночевать дома у старшины председательского корпуса Кравцова Кузьмы Григорьевича, с которым проговорили добрую половину ночи.

Приятно вспомнить руководителей и специалистов Красногвардейского района. Виктор Григорьевич Герасимов – первый секретарь райкома в те годы – загорелся желанием преобразовать природу района, провести коренную агро-лесомелиорацию. Я посоветовал ему обратиться в институт имени Докучаева, где много лет работал директором их земляк Скачков Иван Александрович. Там он познакомился с Ольгой Геннадиевной Котляровой, которая оказывала помощь в составлении и освоении плана посадки лесополос. А теперь Красногвардейский район превратился в образец преобразования ландшафта. План организации территории, разработанный в Белгородском филиале «Росгипрозем» под руководством И.А. Дудникова и О. Г. Котляровой.

Ещё раньше большую преобразовательную работу осуществила в колхозе имени Ильича, где Яков Тимофеевич Кириллин посадил лес по всем склоновым землям, превратил обнажённые меловые эродированные земли в лесной оазис. В начале специализации, да и в семидесятые годы колхоз имени Ильича конкурировал в соревновании с колхозом имени Фрунзе по производству свинины и культуре земледелия. С главным агрономом Богатырёвым Михаилом Григорьевичем мы разработали систему земледелия, в основу которой были введены и быстро освоены четырёхпольные укрупнённые севообороты с укрупнением полей. На склоновых землях провели залужение многолетними травами, преимущество занимали эспарцет и донник, на более плодородных полях высевалась люцерна. Мы пытались размножить озимую вику, посевы которой достигали трёхсот гектаров, но в 1973 году из-за длительных дождей, не удалось убрать её на семена, и посев прекратили. Яков Тимофеевич пошёл на быстрое размножение тритикале на фуражные цели, довели площадь посева до тысячи гектаров. Опыт показал низкую эффективность этой культуры для кормления свиней, и от неё отказались.

Об Я.Т. Кириллихине следует сказать, как о выдающемся талантливом руководителе, предельно скромном, уравновешенном, уважительном Человеке.

Как-то в Воронеже было совещание руководящих работников ЦЧЗ, которые проводил председатель Совмина РСФСР М.С. Соломенцев, на котором участвовали тысячи человек. Совещание затянулось до 8 часов, последних выступающих уже мало слушали, шумели. Последнему дали выступить Я. Т. Кириллихину, Он не обладал громким голосом, но через минуту зал затих и все слушали с затаённым дыханием. После совещания был обильный ужин до поздней ночи, но Яков Тимофеевич не стал ожидать его конца и предложил мне поехать с ним в колхоз. По пути нас уже разморило и клонило в дрему. Но всю дорогу Яков Тимофеевич изредка тихонько задавал мне разные вопросы по земледелию, а я на них вяло отвечал, как бы, между прочим. Какое у меня было удивление, когда утром он собрал специалистов и руководителей подразделений, повторил все те вопросы, которые он задавал мне, казалось без особого внимания. Как-то в беседе он посетовал, что работать председателем материально не выгодно. Ему как Герою Социалистического Труда была положена персональная пенсия 160 рублей, а оклад у него был 220 рублей. Но пенсия работающему не положена, поэтому он работал за 60 рублей в месяц. Я ему говорил, что, если он уйдёт, колхоз потеряет свои позиции, поэтому следует руководить не напрягаясь, а только заниматься перспективными вопросами и сохранять дисциплину. После этого он ещё несколько лет поработал и вынужден был оставить пост председателя не без влияния нового руководителя районом. На смену пришёл казалось опытный авторитетный руководитель из районного звена, а тут ещё подоспела перестройка и звезда колхоза имени Ильича закатилась. Наверное, Яков Тимофеевич не раз пожалел, глядя на разваливающееся своё детище, особенно в сравнении с развивающимся колхозом имени Фрунзе. Я часто вспоминаю его мудрое высказывание специалистам, что главная отрасль в хозяйстве свиноводство, от которого получается

основной доход и прибыль, но если не будем уделять главное внимание земле, то никакого успеха не будет.

Приятно вспоминать частые встречи с председателем райисполкома Лукьяновым А. Р., начальниками райсельхозуправления Придней Н. Я. и Широких Н. С., главными агрономами района и колхозов, председателями колхозов Лопатиным Я. Г., Нефёдовым А. Д., Кирпичёвым И. М. и многими другими подвижниками и преобразователями земли красногвардейской.

Тесная связь была с земледельцами Шебекинского района, который был в авангарде применения безотвальной обработки в масштабе района. С приходом к руководству районом Евгения Степановича Савченко инициировались ряд мероприятий по внедрению прогрессивных приёмов в земледелии. В колхозе «Дружба» агроном Лобачёв Александр Николаевич – первым внедрил на всей площади пашни безотвалку. В колхозах имени Кирова председатель Мишнев Николай Иванович, «Заря» председатель Ткачёв Александр Андреевич, агрономы: Смык Анатолий Викторович и Рубаненко Николай Григорьевич, имени Ленина председатель Тарасов Владимир Фёдорович и агроном Каланаев Василий Егорович с энтузиазмом применяли вместо плугов культиваторы КПЭ-3,8, тяжёлые дисковые бороны БДТ-7, плоскорезы не только под озимые, но и под яровые культуры.

В конце восьмидесятых, начале девяностых годов, когда руководителем района был А.В. Смык, в колхозы завезли более 200 культиваторов КПЭ-3,8, которые сыграли большую роль в ускорении основной обработки почвы осенью и допосевной обработке весной, особенно на не вспаханных с осени площадях и при посеве озимых. Это было одним из главных факторов подъёма культуры земледелия, повышения урожаев и увеличения валовых сборов всех культур, а глава района Анатолий Викторович Смык вручил мне медаль «За заслуги перед землёй Шебекинской».

Аналогичные встречи и общения были во всех районах области. И пусть не обидятся на меня на этом и на

том свете многие десятки, сотни хорошо знакомых и приятных мне замечательных подвижников, руководителей и специалистов разного ранга, о которых я в этой книжке не упомянул, но они постоянно или периодически вспоминаются, особенно в бессонные ночи, или, когда посещаешь районы. А такие поездки, со временем, становятся всё реже.

Оглядываясь назад на прожитую жизнь пытаюсь понять, как мне удавалось десятки лет с 1965 по 2000 годы постоянно на опытном поле обеспечивать пристойный вид многих сотен делянок, с соблюдением методики и технологии возделывания всех полевых культур, ежегодно варьировать многообразием сортов, чтобы каждый год было интересно и полезно наблюдать их рост и развитие в постоянно меняющихся климатических условиях разных лет.

Чтобы результаты опытов могли быть использованы для получения необходимых выводов и составления рекомендаций, объединяемых в систему земледелия.

Чтобы на опытных делянках каждый год могли посмотреть и поучиться студенты Агрономического факультета, агрономы и руководители хозяйств и сельскохозяйственных организаций.

Чтобы в последние годы иностранные фирмы и представительства могли оценить свои сорта, гибриды, химические и биологические препараты в сравнении с другими.

И всё это при постоянном дефиците техники и других материальных средств, при нищенском финансировании и назойливом добывании средств, при ревностном соперничестве сотрудников других отделов и не всегда благожелательном отношении руководства.

Первые 20 лет, когда жили в Майском, привычным было с 6 часов утра пройти по полю, оценить состояние посевов и определить неотложные работы на день. К 8 часам быть на раздаче нарядов, добиваться выделения техники. Как правило, преимуществом было выделение её сотрудникам отдела семеноводства, поскольку их продукция является приоритетной в производстве элитных се-

мян и прибыли. Приходилось ухитряться уговаривать механизаторов и использовать технику в выходные дни, когда сотрудники отдыхают. Как-то так сложилось, что основные работы по разбивке и посеву делянок, обработке почвы проводились под моим личным присмотром. Только в девяностые годы, когда в отдел пришёл Сергей Иванович Смуров и освоил все виды полевых опытных работ, постепенно эти функции перешли к нему. С 2000 года он полностью меня заменил, с Григорьевым Олегом Владимировичем они составляют костяк отдела земледелия.

Так получилось, что мне пришлось больше работать с женщинами и я благодарен им за успехи и достижения отдела, за безотказность в выполнении всех постоянных неотложных работ, в проведении учётов и наблюдений, подготовке и написании отчётов, без чего немислимы научные исследования.

Это Мария Ивановна Винда, известный кукурузовод, в своё время доказала нецелесообразность ранних допосевных культиваций, установила нормы и соотношения питательных веществ в удобрении кукурузы. Вера Иосифовна Архипцева с первых лет опытной станции и до выхода на пенсию была ведущим свекловодом, разработала основные параметры технологии возделывания сахарной свеклы, потом её сменила Раиса Игнатьевна Шестакова. Галина Николаевна Апашенко – ведущий научный сотрудник по овощеводству, бахчеводству и кормовым пропашным культурам. Екатерина Степановна Решетняк и Евгения Гавриловна Воронина – специалисты по защите растений. Надежда Васильевна Балабанова пришла после института и проработала до выхода на пенсию по технологии возделывания озимой пшеницы. Тяжёлую ношу полевых и лабораторных работ несли лаборанты Зоя Павловна Нефёдова, Нина Ивановна Гурова, Ольга Алексеевна Светличная, Людмила Васильевна Ткаченко, Вера Ивановна Сыромятникова и другие.

Доброе слово хочется сказать о механизаторах, на них лежит груз обеспечения полевых работ, а механизаторы в науке – особая категория, которые должны в небольших

объёмах выполнять ювелирные операции на делянках, терпеливо исполнять требования, а иногда и прихоти научных сотрудников, не всегда знающих, что они хотят. В постоянном напряжении, в холод и зной, в пыли и грохоте проходит их жизнь, поэтому не многие из них доживают до пенсионного возраста. Это Сорокин Иван Васильевич, Ткаченко Борис Кузьмич, Кисиль Иван Васильевич, Ковтуненко Василий Андреевич, Шестаков Николай Александрович и другие. Многим из них приходилось работать с ядохимикатами по защите растений не всегда с достаточным обеспечением средствами безопасности, а техника в науке почти всегда устаревшая.

В последние годы при внедрении нулевых, энергосберегающих и инновационных технологий главенствующая роль в защите растений от вредителей, болезней и сорняков отводится ядохимикатам и почти полностью игнорируются агротехнические методы. Насколько это чревато катастрофическими последствиями пока никто предсказать не может. Но ясно сегодня, что тот, кто постоянно работает с ядами при недостаточных средствах безопасности, тот долго не живёт.

Чтобы как-то обеспечить независимость отдела в средствах и кадрах механизации пришлось сотрудникам отдела – мужчинам – Смурову Сергею Ивановичу, Григорьеву Олегу Владимировичу, Потапову Николаю Краснославовичу, Леонову Александру Владимировичу, проходить курсы трактористов и получать права механизаторов.

Результаты нашей работы в отчётах представлялись в областное управление сельского хозяйства, готовились статьи в сборники, журналы, брошюры – это было как научный багаж отдела и каждого сотрудника. Я больше уделял внимания подготовке справок, докладов, предложений областным организациям. Сначала готовил материалы в доклады вышестоящим руководителям и специалистам на семинары, совещания, конференции, постепенно стали поручать самому выступать, а затем стало как бы обязательно, чтобы на каждом агрономическом мероприятии было моё выступление. После выступления

на областном уровне шли предложения в районы. Хотя казалось каждый год выступаешь по одной и той же теме, но разнообразишь его конкретными данными складывающихся условий, да ещё настроишь себя на соответствующую аудиторию, слушают тебя с вниманием и интересом. При подготовке выступлений часто удавалось бывать в хозяйствах, знакомиться с обстановкой, советоваться со специалистами. Это было наиболее действенной формой связи науки с практикой и быстрейшим внедрением её достижений в производство.

Немало времени занимала подготовка вопросов на заседание бюро обкома партии и облисполкома в составе комиссий. Подготовку справок и проектов решений можно разделить на три группы.

Это плановые, когда запланированы заранее определённые организации, по ним надо готовить решения с отметкой недоработок и указаний недостатков без оргвыводов.

Вторая группа, когда намечались оргвыводы по работе ответственных работников, там необходим был поиск острых ситуаций, конкретных недоработок и упущений.

Третья группа. Когда надо обобщить передовой опыт, подготовить рекомендации и постановление обкома КПСС и облисполкома для распространения его в областном масштабе.

Бывали и курьёзы. Так по плану надо было подготовить Ракитянский район по мелиорации. Наша группа специалистов под руководством инструктора обкома КПСС П.И. Касторных детально проанализировала состояние и подготовила достаточно объективную и острую справку. Для её обсуждения в район приехал заместитель заведующего отделом обкома КПСС Б.А. Дятлов. Обсуждение прошло по-деловому и в районе согласились с результатами. Когда со справкой познакомился М.П. Трунов – выразил неудовлетворение, что по материалам справки руководство района надо снимать с работы, а район-то один из лучших. Кроме того, со справкой будут знакомиться в ЦК партии. Что они о нас подумают? Пришлось

справку переписывать, хотя после этого секретарь райкома КПСС В.П. Криушин относился ко мне уважительно и часто приглашал в район.

Больше, чем написанию научных статей, я уделял внимание статьям в газеты. Часто после доклада на совещании или семинаре предлагалось опубликовать материал в областной печати. Эти статьи, как правило, читались в районах, после чего просили подготовить для печати в районных газетах, что также являлось действенным средством повышения влияния науки на производство.

Творческий путь и деятельность Асыки Николая Романовича (вместо послесловия)



Земледельческий стаж Асыки Н.Р. начался в 1941 году звеньевым полеводческого звена Гусек-Погореловской средней школы. Будучи учащимся средней школы и студентом сельскохозяйственного института, он постоянно работал на земле.

Окончив с отличием институт, начал трудовую деятельность агрономом в Прохоровском районе, где внедрял прогрессивные формы организации труда и новые технологии в земледелии.

Уже в 1958 году за достигнутые успехи в возделывании кукурузы квадратно-гнездовым способом и выращивании высоких урожаев сахарной свеклы Асыка Н. Р. награжден орденом «Знак Почета».

Имея богатый практический опыт работы в сельскохозяйственном производстве, решил посвятить себя научной деятельности, защитил кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук.

Асыка Николай Романович осуществил совершенствование структуры посевных площадей и разработал научно обоснованные севообороты. От бессистемного размещения культур перешли к правильному их чередованию с соблюдением классического плодосмена с сокращением излишних площадей зерновых, расширением высокопродуктивных пропашных культур и трав, что повысило культуру земледелия.

Им разработана технология возделывания озимой пшеницы. Так были изучены предшественники, рекомендованы и внедрены поля занятых паров и гороха, расширены посевы однолетних бобово-злаковых смесей. Определены пропорции посева кукурузы на зеленый корм и ранний силос как предшественники под озимые и посевы на молочно-восковую спелость под яровые зерновые.

Изучены и внедрены способы внесения удобрений под озимые: ранневесенние и прикорневые подкормки дисковыми сеялками, внекорневые подкормки мочевиной для повышения качества зерна, безотвальные способы обработки почвы под озимые по разным предшественникам. В колхозе имени Фрунзе поверхностный способ подготовки почвы под озимые был внедрен на всей площади 3000 гектаров.

Внедрение этих технологических приемов позволили увеличить среднегодовые валовые сборы зерна озимых с 440 тысяч до 890 тысяч тонн.

Созданные Асыкой Н.Р. четыре долговременных экспериментальных стационара, по мнению компетентных ученых, обладают глубокой и многофакторной научной информативностью, просты для понимания и восприятия технологических приемов широкими слоями научных работников, специалистов-практиков и студентов. В них изучаются и перманентно получают данные по динамике продуктивности полевых культур и севооборотов, подбору высокопродуктивных и адаптивных сортов и гибридов основных полевых культур, мониторингу плодородия чернозема в зависимости от многих факторов влияния возделываемых культур и удобрений, определению позитивных приемов биологизации земледелия в разных условиях экологической среды.

Эти стационары являются постоянным полигоном и материальной базой для составления научно обоснованных систем земледелия для хозяйств области, а также действующими моделями для обучения специалистов, руководителей хозяйств, студентов и преподавателей.

По данным стационаров защищено более десяти кандидатских диссертаций, сотни дипломных работ, и в перспективе они имеют информативность для многих кандидатских и докторских диссертаций. Ежегодно на опытных полях отдела земледелия проходят обучение сотни производителей.

Результаты работы Асыки Н.Р. опубликованы в 200 его статьях и сборниках, в многочисленных рекомендациях и брошюрах, в ежегодных установочных статьях в областных и районных газетах, в неопубликованных письмах, справках и предложениях руководителям и специалистам администрации, департамента АПК и управлений сельского хозяйства районов.

По его предложениям изготавливается ряд оригинальных машин на заводах области. Более 40 лет он является научным руководителем и координатором земледелия и растениеводства в области, осуществляя преемственность в сохранении и развитии систем земледелия в нескольких поколениях руководителей сельскохозяйственных органов и агрономических кадров.

Его девиз – быстрее находить наиболее эффективные приемы земледелия и растениеводства и быстрее внедрять их на поля, а с другой стороны – не пускать в широкое производство недостаточно проверенные, не испытанные рекомендации и предложения.

В экстремальных ситуациях Н.Р. Асыка не боится взять на себя ответственность за решение сложных задач. Его богатый опыт и природная интуиция помогают находить наиболее правильные решения в конкретных непредвиденных условиях.

За значительный вклад в развитие аграрной науки и внедрение ее достижений в сельскохозяйственное производство Николай Романович Асыка награжден орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», многими медалями, грамотами и благодарностями. Ему присвоено почетное звание «Заслуженный агроном РСФСР». За самоотверженный труд на белгородской земле Николай Рома-

нович в числе первых белгородцев в 1996 году удостоен звания «Почетный гражданин Белгородской области».

В январе 2004 года Н.Р. Асыка стал лауреатом премии В.Я. Горина за 2003 год в номинации «Сельскохозяйственная наука» и в этом же году награжден медалью «За заслуги перед Землей Белгородской» I степени. За многолетний добросовестный труд по совершенствованию систем земледелия, за большой личный вклад в подготовку специалистов для агропромышленного комплекса Белгородской области в 2009 году награжден Высшим знаком отличия Белгородской области «Коллекция памятных медалей: Прохоровское поле – Третье ратное поле России» III степени, а в 2004 году награжден Почетной грамотой Губернатора Белгородской области.

Турьянский А.В.
Бреславец П.И.
Колесников А.В.
Смулов С.И.

СОДЕРЖАНИЕ

Детские годы	3
Институтские годы.....	30
Мой путь к науке.....	33
Работа на сортоучастке.....	35
Работа в машинотракторной станции.....	40
Путь в науке.....	60
На опытной станции	67
Творческий путь и деятельность Асыки Николая Романовича (вместо послесловия).	83

Автобиографические воспоминания (исповедь) Асыки Николая Романовича

Стилистика и орфография автора сохранены.

308503, п. Майский Белгородской области
Типография Белгородского государственного
аграрного университета имени В. Я. Горина